
Турки-месхетинцы
в Краснодарском крае.
Исследования

Краснодар, 2007

Турки-месхетинцы в Краснодарском крае. Исследования
Сборник информационно-методических материалов.
— Краснодар: ЮРРЦ, 2007. — 32 с.

Автор-составитель М.В. Савва
Редактор И.Г. Доминова

Южный региональный ресурсный центр (ЮРРЦ) представляет брошюру, посвященную туркам-месхетинцам в Краснодарском крае. Данное издание — третье из серии методических материалов о диаспорах Кубани, выпускаемых ЮРРЦ в рамках проекта «Правовая помощь мигрантам Краснодарского края» при поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров.

В брошюру вошли материалы по вопросам формирования этнической общности турок-месхетинцев и основам их истории; положению турок-месхетинцев в Краснодарском крае до массового переселения в Соединенные Штаты Америки; их взаимоотношениям с местным сообществом; данные по программе переселения турок-месхетинцев в Соединенные Штаты. Особое внимание уделяется различным аспектам интеграции турок-месхетинцев в местные сообщества Кубани.

Брошюра предназначена широкому кругу читателей: преподавателям, представителям диаспор Краснодарского края, депутатам и специалистам исполнительных органов власти, сотрудникам правоохранительных органов, журналистам.

Турки-месхетинцы Краснодарского края

Турок-месхетинцев Кубани можно смело отнести к самым известным диаспорам современного мира. Мало какой национальной группе довелось испытать столько: гонения в период проживания в Грузии, депортация 1944 года в Среднюю Азию, кровавые погромы 1989 года в Узбекистане и переселение оттуда, наконец, выезд большей части из Краснодарского края в США в 2004—2007 годы. Переживаемые этой группой трудности привлекали к ней внимание политиков, журналистов, правозащитников и ученых не только в России, но и за рубежом.

Краснодарская региональная общественная организация

«Южный региональный ресурсный центр» представляет подготовленную в ходе поддержанного фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров проекта «Правовая помощь мигрантам Краснодарского края» брошюру о турках-месхетинцах Кубани.

По состоянию на середину мая 2007 года примерно из 13 тысяч живших на Кубани турок выехало в Соединенные Штаты по программе добровольного переселения 11097 человек. Казалось бы, турок-месхетинцев осталось в нашем крае совсем немного. Однако авторы этой брошюры убеждены в необходимости подобного издания. Во-первых, примерно тысяча турок-месхетинцев останется жить в Краснодарском крае. Представители органов власти, правоохранительных структур, журналисты, соседи турок должны знать об их истории и нелегкой современной судьбе. Кубанские турки должны полноценно интегрироваться в социальную систему края. Во-вторых, проблемы прошлого необходимо изучать и делать выводы, чтобы эти проблемы не повторились в будущем.

Мы попытались осветить в брошюре темы, которые вызывают наиболее острые споры: формирование этнической общности турок-месхетинцев и основы их истории; положение турок-месхетинцев в Краснодарском крае до массового переселения в Соединенные Штаты Америки; взаимоотношения турок-месхетинцев с местным сообществом; программа переселения в Соединенные Штаты. При описании положения турок и их взаимоотношений со старожильческим населением мы использовали результаты исследования М.В. Саввы «Новые диаспоры Краснодарского края (права, интересы, динамика интеграции и восприятие местным сообществом)». Особое внимание в брошюре мы уделяем различным аспектам интеграции турок-месхетинцев в местные сообщества Кубани.

Брошюра предназначена широкому кругу читателей: преподавателям, представителям диаспор Краснодарского края, депутатам и специалистам исполнительных органов власти, сотрудникам правоохранительных органов, журналистам.

М.В. САВВА.

*Руководитель проекта «Правовая помощь мигрантам Краснодарского края»,
директор грантовых программ Южного регионального ресурсного центра,
доктор политических наук.*

**Выездная консультация мигрантов.
Слева — М.В. Савва.**

Основы истории турок-месхетинцев

По справедливому замечанию известного азербайджанского исследователя истории турок-месхетинцев А.Юнусова, «проблема происхождения месхетинских турок очень сложна и многообразна и находится в тесной связи с историей взаимоотношения Грузии с тюркским миром»¹. Остается лишь добавить, что эта проблема чрезвычайно политизирована. В современной науке и околонучной сфере противостоят две основные точки зрения. Согласно одной из них современные турки-месхетинцы — потомки тюркского населения исторической области Месхетии в Грузии. Последователи второй, в основном грузинские исследователи, утверждают, что месхетинцы — потомки принявшего ислам и турецкий язык грузинского населения исторической области Месхетии.

По мнению А.Юнусова, формирование массива тюркского населения на территории Южной Грузии началось в эпоху великого переселения народов в начале I тысячелетия нашей эры. Османский период истории Месхетии, начавшийся с 1639 года, стал решающим в процессе объединения тюркских племен в единую этническую общность: «Кровопрлитные военные действия на территории Месхети надолго, вплоть до начала XIX в., в целом прекратились, что сыграло большую роль в деле консолидации и окончательного оформления разных тюркских племен и народов в единый этнос с общим тюркским языком и общей культурой»². А.Юнусов представляет точку зрения, согласно которой большая часть турок-месхетинцев — потомки различных тюркских племен, а не отуреченные грузины: «Конечно, некоторая часть грузинского крестьянства в Месхети также переходила в ислам в силу тех или иных причин. Однако исламизация покоренного населения, особенно крестьянства, в массовом масштабе в Османской империи к тому времени не практиковалась. Более того, верховная власть и высшее мусульманское духовенство отрицательно отнеслись к этому»³.

Позиция сторонников грузинского происхождения (и грузинского будущего) этой группы выражена, например, доктором исторических наук начальником службы репатриации Грузии Г.С. Мамулия: «Политика депортации мусульманского населения Самцхе-Джавахети была выработана царским правительством в 30-х годах минувшего века, когда Грузии на политической карте еще не существовало. В результате русско-турецкой войны 1828 года Россия отторгла у Османской империи северную часть Ахалцихского пашалыка — историческую провинцию Грузии Самцхе-Джавахети, завоеванную османами в XVI веке, где они и основали в 1628 году Ахалцихский пашалык, издревле населенный грузинским племенем месхов. После более чем двухсотлетнего господства османов здесь сложилась следующая этническая и религиозная картина. Большинство деревень северной части Месхетии — Самцхе-Джавахети, где согласно переписи 1595 года, проведенной османами, проживали грузины православные, было омусульманено. Вторая, малая часть грузинского населения нашла приют в Армянской католической церкви, третья (также немногочисленная) часть находилась на грани утраты православия. Кроме того, по пастбищам Самцхе-Джавахети кочевали небольшие группы курдов и таракама (терекеминцев), которые пришли сюда в XVIII веке. Таким образом, в 30-х годах XIX века в Самцхе-Джавахети проживали мусульмане трех народностей: грузины, таракама и курды. Самцхе-Джавахети представляла собой крайнюю северную часть Ахалцихского пашалыка, и этнические турки из Малой Азии сюда не проникали, а лица негрузинского происхождения, служившие в администрации ахалцихских пашей либо находившиеся здесь на военной службе, покинули этот край после установления русского владычества»⁴. В работах грузинских авторов достаточно четко выражена установка на ассимиляцию турок-месхетинцев как процесс «возвращения истинного самосознания»: «В процессе становления грузинского народа как «государство-нация» в условиях дальнейшей консолидации грузин различных ве-

роисповеданий месхи-репатрианты в 1-й половине XXI века пройдут тот же путь, что и прошли аджарцы с 80-х годов XIX века до 2-й половины XX. В новой исторической действительности репатриированные месхи сформируются в такую же грузинскую этнографическую группу на своей исторической родине Самцхе-Джавахеги, какую сегодня представляют их же ближайшие соплеменники аджарцы в Аджарии⁵.

Установка на ассимиляцию турок-месхетинцев чрезвычайно широко распространена в Грузии не только среди исследователей, но и среди политической элиты. При этом данная установка сочетается с откровенно выраженным нежеланием допустить репатриацию турок-месхетинцев в Грузию. Наира Гелашвили, руководитель центра культурных взаимосвязей Грузии «Кавказский дом», пишет: «Еще в июне 1989 года в газете «Тбилиси» З.Гамсахурдия уточнил отдельные пункты программы политического объединения «Круглый стол» — свободная Грузия», возглавляемого им самим. Он писал, что необходимо вернуть на родину 300000 депортированных грузин-мусульман, а кто уже потерял грузинское самосознание и считает себя турками, с ними нужно вести просветительскую работу. Буквально через месяц после этой статьи начались погромы месхов в Фергане, и их возвращение в Грузию само собой стало в повестку дня. И тут З.Гамсахурдия радикально меняет позицию. Его лозунгом становится: «Ни одного турка на земле грузинской!»... Приняв с 1999 года обязательство перед Советом Европы вернуть обратно депортированное население, Грузия постоянно уклоняется от взятого на себя обязательства. Власти постоянно (и почему-то гордо и вызывающе) объявляют, что «страна для этого не готова». Это, наверное, так и есть. К сожалению, трудно сказать, для чего она вообще готова. Но где же если не слова, то хотя бы интонация сожаления?»⁶.

Некоторые методы воздействия на общественное мнение Грузии с целью настроить его против репатриации турок-месхетинцев охарактеризованы в книге воспоминаний Назиры Вачнадзе: «В 90-е годы началась по телевизору открытая пропаганда против возвращения месхов в Грузию. Где-то собрали стариков, которые, как я думаю, не очень-то разбирались, что турки и месхи-мусульмане не одно и то же, так же как и «татары» и месхи — разные народы, и распрашивали их о «турках-месхах». Кто-то что-то говорил, но воспоминания одного старца такой смех вызвали у нас, что долго как аналогия на чушь у нас в семье были его слова. Он рассказал, что месхи насиловали их жен, дочерей, издевались над ними и ... «на спор ставили 16 человек в ряд друг за другом и одной пулей убивали всех»⁷.

Обобщающий обзор происхождения и современного положения турок-месхетинцев дан в докладе А.Г. Осипова «Российский опыт этнической дискриминации: месхетинцы в Краснодарском крае»: месхетинцы, или месхетинские турки — мусульмане, говорящие на турецком языке. Они населяли приграничный регион Южной Грузии с центром в городе Ахалцихе (часть исторической провинции Месхети) и в ноябре 1944 г. были высланы оттуда в Узбекистан, Казахстан и Киргизию. Себя они называют турками, ахалцихскими турками (по-турецки «ахыска тюрклерли»), месхетинскими турками. Названия «месхетинские турки» и «турки-месхетинцы» возникли в 70-е годы, но получили распространение только в конце 80-х — начале 90-х гг. Небольшая часть месхетинцев считает себя «грузинами-мусульманами», или «месхами». После отмены в 1956 году административного надзора органов внутренних дел и запрета выезжать из мест, отведенных для поселения, часть месхетинцев переселилась в Азербайджан и в автономные республики Северного Кавказа. Вплоть до настоящего времени они не получили возможности вернуться в Грузию вообще и в частности в те места, откуда были высланы.

Детальный анализ различных версий формирования этнической общности турок-месхетинцев осуществила В.А. Симоненко, кубанский исследователь, в диссертации «Месхетинские турки: историческая судьба и проблемы культурной адаптации». Согласно выводам В.А. Симоненко изучаемый этнос сформировался на территории приграничной Месхетии, оказавшейся на стыке двух этнических культур, населенной взаимодействующими группами, которые в ходе естественного исторического развития смешивались. Не случайно в этногенезе населения Месхетии присутствует как тюркский этнический компонент, так и грузинский. С завоеванием кня-

жества Самцхе-Саатабаго Османской Турцией начинается исламизация Южной Грузии. Тем самым меняется не только религиозная, но и языковая ситуация в регионе, происходит трансформация традиционной культуры. В результате традиционная культура изучаемого народа, с одной стороны, приобретает некоторые черты культуры анатолийских турок, с другой стороны, в некоторых элементах быта отчетливо прослеживается грузинское влияние⁸.

Наряду со сталинской депортацией важнейшей трагической вехой в истории турок-месхетинцев стали массовые беспорядки 1989 года в Узбекистане. В июне 1989 г. месхетинцы, жившие в Ферганской области Узбекистана, стали жертвами массовых погромов. Этот конфликт в Ферганской долине возник, вероятно, спонтанно (то есть без оформленной политической программы участников), приняв форму классического погрома, в котором действия участников не поддавались логическому объяснению. В то же время существует другая версия. В первые же дни после трагических событий в Узбекистане представители союзного руководства сделали вывод о предварительной подготовленности погромов: «Даже предварительный анализ говорит о том, что это была тщательно подготовленная акция, и только с таких позиций нужно подходить к этим трагическим событиям в республике... Нельзя сказать, что ферганские события упали, что называется, снегом на голову партийных и советских органов. Известно, что начиная с апреля нынешнего года в эти органы поступали сигналы о намечаемых акциях в отношении турок-месхетинцев. На предприятиях стали появляться письменные угрозы туркам, которым предлагалось покинуть республику. В этот же период участились случаи отказов в их приеме на работу. Установлен целый ряд целенаправленных действий по выявлению конкретных мест проживания турок-месхетинцев. В этих целях использовались последние данные переписи населения»⁹.

Ферганский погром был чрезвычайно ожесточенным. Очевидец тех трагических событий российский этнограф С.Н. Абашин не мог скрыть своего недоумения: «Почему же эта сравнительно небольшая, компактно живущая этническая группа, которая по языку, культуре, религии из всех других «пришлых» национальных меньшинств казалась наиболее близкой коренному населению, стала жертвой столь яростного гнева узбеков?»¹⁰. Около 17 тысяч турок были организованно эвакуированы из Ферганы в Центральную Россию. Переселение турок в РСФСР было признано Постановлением Совета Министров СССР № 503 от 26.07.89 г. и Постановлением Совета Министров РСФСР № 220 от 13.07.89 г., на основании этих постановлений туркам, поселяющимся в областях Центральной России, была оказана материальная помощь и были приняты другие меры, призванные облегчить их социальную адаптацию. Еще более 70 тысяч месхетинцев в последующие полтора года были вынуждены уехать из других областей Узбекистана, опасаясь за свою безопасность. Эта количественная оценка выехавших из Узбекистана турок-месхетинцев используется во многих исследованиях, например в работе Института «Открытое общество» Meskhetian Turks. Solution and Human Security: «Многие эвакуированные из Узбекистана турки-месхетинцы, чья численность оценивается более чем в 70 тысяч человек, осели в Азербайджане. Другие направились в различные регионы России, особенно в Краснодарский край»¹¹. Турки выезжали главным образом в Россию и Азербайджан, небольшая часть — на Украину и в Казахстан. По оценкам А.Г. Осипова, в настоящее время в границах бывшего СССР живут приблизительно 270—280 тыс. месхетинцев¹².

Основная часть более чем 13-тысячного турецко-месхетинского населения Краснодарского края (по состоянию на 2004 год) прибыла сюда в течение нескольких месяцев после трагических событий в Ферганской долине. Однако формирование турецко-месхетинской диаспоры на Кубани началось на несколько лет раньше. Первые семьи турок-месхетинцев (несколько сот человек) были приглашены на работу в совхозы Апшеронского района, расположенного в предгорной зоне, по инициативе партийного руководства района в 1983—1984 гг. Перепись населения, проведенная 12 января 1989 года, не выделяла турок-месхетинцев в качестве отдельной группы, поэтому трудно определить их численность в Краснодарском крае до массового исхода из Ферганы. В то же время перепись 1989 года зафиксировала на террито-

рии края 2135 турок (предыдущая перепись, проведенная в 1979 году, учла 279 турок)¹³.

Присутствие в Краснодарском крае родственников и знакомых определило один из векторов вынужденного переселения турок-месхетинцев с территории Узбекистана — в Апшеронский и соседний Белореченский районы края. Второй из основных векторов был определен массовой продажей домов выезжающими в Крым крымскими татарами, которые проживали, в частности, в Абинском и Крымском районах Краснодарского края. Всего турками-месхетинцами было приобретено в первые месяцы их пребывания на Кубани 1149 домовладений, из которых юридически удалось оформить на новых собственников лишь 52¹⁴.

Положение турок-месхетинцев в Краснодарском крае до массового переселения в Соединенные Штаты Америки

Респонденты-турки в ходе исследования в 2004 году весьма по-разному оценивали отношение к ним различных групп местного сообщества. «Я могу сказать: большие люди живут около меня. Вот директор крупной фирмы. Отношения очень хорошие. Они даже плакали, когда я сказал, что уеду. Пятнадцать лет не прописывают, права человека, мои права нарушаются. Сказали: «Жалко будет такого соседа потерять». Один из них даже по телевизору выступал и сказал, что ему жалко терять такого соседа. С моими соседями у меня ни одного конфликта не было. А в городе, как вам сказать... Среди молодежи всегда найдутся такие. Конфликты были. Казаки всегда, прав или не прав, защищали казаков. Права турок они никогда не защищали... Районные власти всегда относились плохо, при всех главах. Но ведь видно было, что турки — рабочие люди. Я работал водителем. Когда едешь в сторону Новороссийска, Варениковки — везде турки на полях, и поля чистые. Такая красота! Но власти не дали работать» (турок-месхетинец, житель города Крымска с 1989 года, 1951 года рождения). «С местным населением у меня никогда не было конфликтов. Можете спросить у моих соседей. А вот с начальством — да. Мы за Россию воевали, мы на Россию работаем. До сих пор не могу понять, чего от нас хотят, почему нас так унизили... Да, лес без шакалов не бывает. Среди нас тоже есть плохие люди, которые пьют или наркотики принимают. Но таких очень мало» (турок-месхетинец, житель г. Крымска с 1989 года, 1939 года рождения). «Власти заинтересованы во всем этом. Народ массово их не поддерживает» (турок-месхетинец, житель города Крымска с 1989 года, 1951 года рождения).

«У нас хорошие отношения и с русскими, и с армянами, и с греками, и с крымскими татарами. Проблемы только от власти, потому что кто их выбирает? Русские, которых здесь большинство. И вот они якобы защищают русских, чтобы их выбрали. Это мое мнение» (турок-месхетинец, житель г. Крымска с 1989 года, 1948 года рождения, приехал из Ташкентской области). Респонденты-турки, таким образом, подчеркивают добрососедские отношения с большей частью местного населения различной этнической принадлежности и возлагают ответственность за свои проблемы на представителей властных структур.

Начало формирования негативного отношения к туркам респонденты из числа месхетинцев связывают с первыми неделями их пребывания на Кубани в 1989 году. «Когда мы сюда приехали, Кондратенко еще правил. Я сама лично слышала, как он выступал по телевизору и говорил: «Турки-месхетинцы переступят только через мой труп, чтобы здесь жить». Я после этого говорила, что нужно нам уехать отсюда,

потому что он не хочет, чтобы мы здесь жили. В то время, когда мы выходили на улицу, стояли в очередях, местные жители нас оскорбляли. Они нас еще не знали, и все тогда было по талонам. А потом талонов не стало, и ни от кого плохого я не видела» (турчанка-месхетинка, жительница г. Крымска с 1989 года, 1955 года рождения, приехала из Ташкентской области). Можно сделать вывод, что совпадение приезда турок с тотальным товарным дефицитом и стремление краевой власти того времени возложить ответственность за существующие проблемы на группу «чужаков» способствовало формированию негативного отношения части старожильческого населения к туркам-месхетинцам. Ко времени смены власти в России в 1991 году негативное отношение значительной части старожильческого населения к туркам-месхетинцам уже было сформировано. Этому способствовали деятельность органов власти последних советских лет, неизбежное непонимание между не адаптированными к местной социокультурной среде турками и местным населением, падение уровня жизни и другие трудности переходного периода.

«С самого начала нужно было людей прописать и работу дать. Тогда никаких проблем не было бы. Железо можно согнуть, пока оно горячее, потом уже поздно» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1990 года, 1921 года рождения).

Высказывания респондентов-турок о первом периоде пребывания в крае, как правило, предельно эмоциональны. «Людей в то время, когда мы только приехали, настраивали против нас, говорили, что ни одной буханки нам нельзя продать. Мою мать в те времена, когда были купоны, вытолкнули из очереди за хлебом и хлеб ей не продали» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1990 года, 1964 года рождения).

Большая часть респондентов-турок не участвовала в конфликтах с применением насилия и не была их свидетелем. Однако некоторые респонденты смогли рассказать о конфликтных ситуациях из собственной практики. При этом описания некоторых случаев позволяют предположить, что турки иногда становились жертвами насилия безотносительно их национальной принадлежности. В такой же ситуации мог оказаться кто угодно, а становились такие ситуации возможными в результате высокого уровня уличной преступности: «Я сам участвовал. В позапрошлом году мы были втроем в центре Холмского. Было нападение молодежи. Шла толпа и напала на нас троих. Мы даже сначала не поняли, что случилось. Я не знаю до сих пор, из-за чего они напали. Я сразу сорвался, а один из нас троих сильно пострадал» (турок-месхетинец, житель пос. Холмского Абинского района с 1990 года, 1979 года рождения, из Наманганской области). В то же время сам факт уголовного преступления против турка воспринимается обычно как этнически ориентированное преступление, то есть преступление на почве ненависти.

Однако некоторые конфликтные ситуации, судя по их описанию участниками и свидетелями, были спланированными, изначально задумывались как направленные против турок и действительно могут быть отнесены к преступлениям на почве ненависти: «Когда была единственная такая драка с турками в клубе Саукдере, то она была специально организована. Около каждого турка, который был в клубе, стояло двое-трое ребят. И когда выключили свет, началась драка. Это было примерно в девяносто втором году. Никакого уголовного дела не было, мы сами все решили по-дружески. Мы с этим разбирались, и после никаких драк не было, только какие-нибудь маленькие ссоры из-за девчонки. Я сам в школе проводил встречи, говорил о дисциплине, о поведении в быту. Перед началом занятий первой смены приходил, уточнял, кто самый хулиган. С разрешения директора собирал их и разъяснял дисциплину нашего проживания здесь. Самого хулиганистого назначал ответственным за эту смену, ему в помощь давал ученика, который хорошо учился. Так же делал во второй смене» (турок-месхетинец, житель поселка Саукдере Крымского района с 1989 года, 1940 года рождения). В приведенном выше фрагменте интервью интересен детально описанный механизм контроля за поведением подростков со стороны турецко-месхетинской общины.

«У нас в Новоукраинском конфликты были часто. В основном их вызывали казаки. Где-нибудь что-то случится, неважно где, например в Варениковской, сразу же начина-

ют действовать везде. В Нижнебаканском, где много турок живет, в Крымске. Казаки сразу садятся в автобусы и едут. Они же не предупреждают, что едут, мы же не готовимся к этому. Нет, не воевать, а собраться и что-то сказать им. Приезжают и сразу по домам. Увидели, поймали и давай избивать. Как-то схватили у крайнего дома в Новоукраинке ребят и избили. Мы сразу собрались, приехали наши лидеры. Если бы не собрались — было бы хуже» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1989 года, из Ташкентской области, 1949 года рождения).

«Года три назад здесь была поножовщина. Вину за это попытались возложить на турок. Потом работники органов раскрыли это дело, турки оказались ни при чем. Но казаки устроили сход, на котором выступали с обвинениями, что турки режут и насилуют. Я не давал атаману так свободно говорить, и на меня прямо на сходе напали пятеро казаков, я еле-еле убежал от них» (турок-месхетинец, житель поселка Саукдере с 1989 года, из Самарканда, 1944 года рождения).

Анализируя причины напряженности, некоторые респонденты-турки предлагали стратегии действий, которые могли бы привести к более спокойному развитию взаимоотношений части местного сообщества и месхетинцев: «Местному населению нужно было бы отнестись к приезду турок более спокойно, понять, что не от хорошей жизни они сюда приехали... Самим туркам, считаю, нужно было расселиться в городах, не так компактно. Поселиться бы семей по двадцать, все было бы по-другому» (турок-месхетинец, житель города Новороссийска, в Краснодарском крае с 1989 года, 1975 года рождения).

Отношение к туркам, по мнению турецких респондентов, проявлялось как в действиях представителей местного сообщества, так и на вербальном уровне. «Я закончил школу в поселке Нижнебаканском. В Самарканде я учился на четверки и пятерки, здесь закончил в основном с тройками. И не потому, что там было слабое образование. Скажу, что оно было более сильное, чем здесь... У меня осталось много друзей среди одноклассников по Нижнебаканке. Прошло уже 14 лет, как закончили школу, но мы поддерживаем отношения. Мы всегда отмечаем дни рождения. Они были у меня на свадьбе, я приезжал на их свадьбы. Есть такая часть людей, которые относятся к другим не на основании их национальности, а есть другие, которых можно назвать нацистами... Есть отличия в отношении местных к туркам и другим национальностям. Даже в поговорках о турках. Таких оскорбительных в отношении других национальностей я не слышал. Меня это не то чтобы оскорбило, скорее удивило» (турок-месхетинец, житель города Новороссийска, в Краснодарском крае с 1989 года, 1975 года рождения).

Турки-месхетинцы в интервью фиксировали основные страхи местного сообщества в отношении своей группы. При этом часто респонденты-турки подчеркивали необоснованность этих страхов. «Хотя и говорят, что «они плодятся, через 50 лет их здесь столько будет...». Это выдумки, они сверху идут. Если русским, которые здесь на законных основаниях, тяжело детей содержать двоих-троих, то нам тем более. Нет, мы не плодимся, тоже думаем. Отвечать надо за каждого ребенка, если он родился. Нищету разводить никому не интересно» (турок-месхетинец, житель поселка Саукдере с 1989 года, 1944 года рождения). Страх утраты численного доминирования, превращения русских в меньшинство в тех населенных пунктах, где в настоящее время проживают турки, респонденты из числа месхетинцев приписывали русским наиболее часто.

«Мой магазин назвали турецким диверсионным центром... Бог с ними. Но ведь сказали, что в 1944 году нас выслали из Грузии потому, что мы сотрудничали с фашистами, хотя за Кавказским хребтом не было никаких военных действий...» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1990 года, 1964 года рождения).

«Обвиняют в том, что турки занимаются наркотиками, террористической деятельностью. Казачий атаман по телевидению выступал о том, что турки селятся возле туннелей, каких-то объектов. Мол, у турок это все преднамеренно. Еще какое-то изнасилование... Но если человек нарушил, давайте сажайте. Есть органы, есть суд. Но у нас в Абинске не было таких случаев» (турок-месхетинец, житель г. Абинска с 1989 года, 1952 года рождения, из Ташкентской области).

Респонденты-турки фиксировали следующую закономерность: их вина в случае нанесения какого-либо ущерба усиливалась общественным мнением, а факт проступка объяснялся принадлежностью к группе «чужих»: «Говорят, турецкие коровы топчут кладбища. А русские коровы не топчут?» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1989 года, из Ташкентской области, 1949 года рождения).

Для некоторых опрошенных туток характерно стремление снизить степень вины представителей своей группы в случаях, когда действия этих представителей стали основой конфликта. Причиной практически всех острых конфликтных ситуаций были сексуальные преступления. В описаниях этих ситуаций акцент респондентами делается на вину женщины, которая своим поведением провоцировала преступников. «Говорили, изнасилование было в Баканке (поселок Нижнебаканский). Если бы она хорошая девушка была... Ночью, на поле, в шалаше, что там она потеряла? Была бы нормальная девчонка, не поехала бы туда» (турок-месхетинец, житель города Крымска с 1989 года, 1951 года рождения).

«У нас такой закон, и очень строгий: если девчонка на дискотеке, то это — не девчонка. Наши девчонки очень сильно воспитаны. Если порядочная семья, то ее не пускают. Даже на свадьбу — только с братом или матерью. Поэтому у нас нет ни СПИДа, ни сифилиса, ни выбрасывания ребенка... Был здесь случай: ребята турки стали ходить на дискотеку, дружить с местными девушками, танцевать с ними. Как-то пришел на дискотеку местный пьяный мужик, лет под сорок, и придрался к одному турку, почему тот танцует с русской. Они вышли, турок его избил, почему ему должны запрещать дружить? Потом турок по решению местного атамана платил штраф за драку, хотя был виноват этот местный» (турок-месхетинец, житель поселка Саукдере Крымского района с 1989 года, 1940 года рождения). Таким образом, «двойной стандарт» традиционной культуры, запрещающий общение турецких женщин с посторонними мужчинами и допускающий такое поведение мужчин, является причиной многих конфликтных ситуаций, о которых вспомнили респонденты-турки.

В то же время ряд произошедших ранее конфликтов повлиял на стандарты поведения некоторых туток-месхетинцев. Так, респондент из числа туток-месхетинцев констатирует: «Мы не пускаем своих детей на дискотеки. Если он пойдет на дискотеку, пригласит девушку, то обязательно появятся какие-то нюансы. Сейчас есть скинхеды, бритоголовые. Они могут запросто войти в кафе, где что-то происходит, свадьба, например, могут избить» (турок-месхетинец, житель г. Абинска с 1989 года, 1952 года рождения, из Ташкентской области). Социальная конкуренция, в которой значительная часть старожильческого населения проигрывает туркам-месхетинцам, является наиболее часто называемым мотивом конфликтного поведения. При этом конкуренцию нельзя понимать упрощенно, как соревнование на рынке за рабочие места и сферу приложения труда, что иногда делается исследователями. Конкуренция такого типа для ситуации взаимодействия кубанских туток и старожильческого населения характерна в минимальной степени. Турки-месхетинцы, занимаясь ручным овощеводством и выращиванием скота, лишь восполнили дефицит такой продукции на местном рынке. Значительно более важным фактором конфликта стала конкуренция между мужчинами за женщин. В условиях жестких запретов на добрачное общение с женщинами из турецко-месхетинской диаспоры мужчины-турки начинают конкурировать с местными мужчинами за местных женщин. Необходимо оговориться, что подобное поведение вовсе не является этнической особенностью туток-месхетинцев. Оно характерно для любой общности, живущей в системе традиционной патриархальной культуры. Часть мужчин из числа старожильческого населения в таких ситуациях контакта различных культур воспринимает поведение мужчин из традиционалистской общины как оскорбительную для себя демонстрацию превосходства.

Ряд респондентов-туток указывали на то, что казачество было объектом манипулирования с целью усиления антитурецких настроений. «А политики так говорили: «Турецкая корова забодала русского мальчика»... Казаков травили против нас. Но я был как-то в большом казачьем штабе, и атаман мне сказал: «У нас

нет ничего против вас. Пускай председатель вашего общества политическим путем решает ваши проблемы». Показал казачью эмблему, на которой три полосы разного цвета, и зеленый обозначает мусульманство. Это о чем-то говорит?» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1990 года, 1964 года рождения).

«Против турок здесь, в Крымске, митинговали казаки. Но если бы местная власть их не организовала, этого бы не было» (турок-месхетинец, житель г. Крымска с 1989 года, 1948 года рождения, приехал из Ташкентской области).

Некоторые респонденты подчеркивают различия установок членов казачьих организаций из числа их соседей и тех, кто не знаком с турками-месхетинцами: «Сами казаки, которые рядом живут, ничего против не имеют. Но от власти было давление на казачество, чтобы от имени народа они повлияли на нас, ущемляли и что-то там делали... Мой сосед — сын атамана города. Мы соседи, здороваемся, разговариваем, если нужна друг другу помощь — помогаем. Я от него ничего такого не слышал. Он говорил: «Ну что поделаешь, в таком положении мы сейчас живем. Нас давят, и мы вынуждены» (турок-месхетинец, житель Краснодарского края с 1989 года, 1952 года рождения, из Ташкентской области).

В качестве основного инструмента усиления напряженности во взаимоотношениях старожильского населения и турок респонденты-турки называли средства массовой информации. «Нужна передача на местном телевидении. Вот на Кубани живет 126 народов. Пусть каждый народ раз в неделю покажут. В современных условиях СМИ — не четвертая власть, а первая. Люди смотрят с утра до вечера в этот ящик и верят ему. Насаждается ксенофобия и национализм. Чего стоят документальные фильмы «Турецкий марш», «Кавказские пленники» и другие, которые здесь были сделаны! И ведь их премировали, и не где-нибудь, а в Москве. Вариант работы со СМИ — самый надежный. Ко мне подошли и спросили: «Неужели будешь стрелять в нас?» (турок-месхетинец, житель станицы Варениковской с 1989 года, 1948 года рождения). Ряд респондентов указывал на зависимость местных СМИ от органов местного самоуправления: «Часто против нас выступают местные газеты. Противно уже их смотреть. Пишут, что турки — наркоманы. Но ведь ни одного такого не нашли! Люди на поле в основном работают... Думаю, если бы в местной газете нас кто-то взялся защищать, его на следующий день сняли бы с работы. Когда несколько лет назад был конфликт на хуторе Армянском и казаки там избili людей, один с телеканала сказал, что они не имели права так делать. На следующий день начались обвинения, что они в этой телекомпании — евреи. И телеканал опять начал чернить нас» (турок-месхетинец, житель г. Крымска с 1989 года, 1948 года рождения, приехал из Ташкентской области).

В ходе интервью приводились факты не только нанесения СМИ морального ущерба представителям диаспоры, но и провоцирования нанесения материального ущерба конкретным лицам: «Приехали из передачи «Человек и закон», записали, но все вывернули с ног на голову. Преподнесли так, что можно было понять, будто турки во время войны сотрудничали с немцами... Меня увидели на этой передаче, узнали, что я турок-месхетинец. По паспорту я вообще грузин, гражданство российское. Так после передачи закрыли мою лавочку, в которую я 200 тысяч вложил. Еще оштрафовали за то, что якобы незаконно построил, хотя все было официально, через архитектуру» (турок-месхетинец, житель Краснодарского края с 1989 года, из Самарканда, 1944 года рождения).

Достаточно частой претензией к СМИ со стороны респондентов-турок был упрек в распространении непроверенных фактов: «Была передача местная. Показывали женщину, которая говорила в Баканке, что ее сын учится в школе в селе Русском и ему турки угрожают. А у нас в Русском вообще нет школы! Это просто придумали» (турчанка-месхетинка, жительница села Русского Крымского района с 1989 года, из Ташкентской области, 1952 года рождения).

Респонденты разделяли местные СМИ и некоторые общероссийские по их отношению к туркам-месхетинцам: «Особая благодарность моя и всех той телекомпании, которая показала документальный фильм «Враги народа» о турках и их жизни

в Штатах) (турок-месхетинец, житель города Новороссийска, в Краснодарском крае с 1989 года, 1975 года рождения). Имеется в виду подготовленный В. Токмевым (телекомпания НТВ) и показанный в эфире в начале 2005 года документальный фильм о жизни в США первой группы турок-переселенцев из России.

Респонденты иногда указывали на различное отношение к туркам таких широких категорий населения, как люди, живущие с ними по соседству и знающие турок, и сторонники идеи их выселения: «Люди, заинтересованные в сохранении напряженности, конечно, есть. Все дело в их количестве. Когда у человека дети голодные, когда у него нет зарплат, а ему говорят, что вот, приехали чужие, они едят твой хлеб... Год, пять, десять, пятнадцать, и у кого-то такое настроение действительно возникает. С каждым годом количество таких людей растет. С помощью средств массовой информации. Я имею в виду людей, которые лично не знают турок. Мы живем дисперсно, и люди думают: «Мой сосед турок — хороший», и соседи плачут, когда наши уезжают в Америку. Но человек думает, что другой турок, может быть, плохой. Конечно, не все среди нас идеальные. Есть кто-то, особенно в таких условиях... Но советский менталитет предполагает веру в СМИ: если о турках так плохо пишут, то они — плохие» (турок-месхетинец, житель станицы Варениковской с 1989 года, 1948 года рождения).

Чрезвычайно показателен в отношении различия образов турок у людей, лично знающих и не знающих их, рассказ турчанки из села Русского Крымского района: «Я стояла на рынке в Новороссийске, среди других турок. Подошел пожилой человек и начал мне говорить: «Как же ты так с этими договорилась, что стоишь здесь?». Я поняла, что он меня за русскую принял. Мне интересно, что он дальше скажет, я молчу. А он рассказывает, какие турки плохие. Потом я сказала, что я — чистокровная турчанка, а все, что ему наговорили про турок — неправда. Стали разговаривать с ним. Потом он у меня каждый раз все покупал, что ни привезу, чеснок или что другое. В прошлом году его жена, тетя Валя, умерла, а он, дядя Вася, живой» (турчанка-месхетинка, жительница села Русского Крымского района с 1989 года, из Ташкентской области, 1952 года рождения).

Далеко не все респонденты смогли дать оценку изменениям отношений турок-месхетинцев и старожильческого населения. Однако ряд респондентов, активно вовлеченных в защиту прав кубанских турок, оказались способны сделать это. Один из лидеров турок-месхетинцев Краснодарского края следующим образом определил динамику взаимоотношений старожильческого населения и факторы ее изменения: «Отношения турок и местного населения были сначала хорошими, долго были нейтральными, а в последние год-два появляются элементы подозрительности со стороны отдельных представителей местного населения, которое нас напрямую не знает. Первоначально нас люди, соседи угощали картошкой, хлебом, чесноком, давали нам свои талоны на сахар, когда мы целый год и наши дети были без сахара. Тогда моющие средства, бензин были по талонам, и люди давали это нам даже не за деньги, бесплатно. Отношение изменилось, и я вижу в этом большую отрицательную заслугу средств массовой информации, которые насаждают нетерпимость. Систематически, перед какими-то политическими событиями это производится открыто и неприкрыто» (турок-месхетинец, житель станицы Варениковской с 1989 года, 1948 года рождения).

Респонденты-турки фиксировали изменение отношения к ним после начала программы переселения в США: «Когда началось переселение в Америку, перестали ходить по домам с проверками. Меньше стали выступать против нас по телевидению» (турок-месхетинец, житель города Крымска с 1989 года, 1951 года рождения).

«Даже стали давать нашим землю. Сейчас свободно. Тысяча за гектар. Раньше — 8—10 тысяч! Казаки же не берут. Они же хотели раньше брать землю — пусть берут сейчас. У меня сосед из Грозного, не хочет, чтобы мы уезжали. Говорит, опять огурцы и помидоры будут дорогими. Хорошие у меня соседи. Один — из Грозного, другие — из Душанбе. Тоже беженцы. Здесь вообще процентов 80 приезжих, местных очень мало» (турок-месхетинец, житель Абинска с 1989 года, из Самаркандской области, 1973 года рождения).

В то же время не все изменения в отношении к месхетинцам после начала про-

граммы переселения являются положительными: «Перестали давать справки в поссовете. Раньше их как-то еще можно было получить. После того, как началась Америка, перестали. Я недавно сказал им в поссовете: «Вы — наши друзья. Если бы хотели, чтобы я отсюда уехал, дали бы справку. Вы идете против губернатора» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1989 года, из Ташкентской области, 1964 года рождения).

Характеризуя изменения, происшедшие с турками за прошедшие 15 лет, респонденты отмечали довольно высокую степень их включенности в местную социальную среду. Изменения коснулись, по мнению респондентов, таких сфер, как знание русского языка, количество детей в семьях, одежда. «Изменения есть. Если в Узбекистане было самое малое 4—5 детей, то сегодня — двое, и больше не хотят. Потому что нет прописки и нет постоянства, нет уверенности. Заработал сегодня 50 рублей, значит, прокормишь семью. Язык стали лучше знать. В Узбекистане кто учился в русской школе, кто — в узбекской. Здесь учатся в русских школах» (турок-месхетинец, житель села Русского Крымского района с 1989 года, 1976 года рождения).

Материалы официальной статистики подтверждают высокий процент лиц, владеющих русским языком, среди турок-месхетинцев. По результатам переписи населения 2002 года из 13612 турок и турок-месхетинцев владели русским языком 12582 человека¹⁵. Как показывают полевые исследования автора, среди не знающих русского языка подавляющее большинство — пожилые люди, которые практически не общаются ни с кем вне своей семьи.

Установка на многодетность сохраняется среди части турок-месхетинцев: «Детей бывает и трое, и пять-шесть. Это зависит от доходов семьи. Мы не боимся большого количества детей, считаем, что от этого у нас только больше богатства будет» (турок-месхетинец, житель г. Абинска с 1989 года, 1952 года рождения, из Ташкентской области).

«Молодежь изменилась за эти годы в одежде. Ну а дальше что? После окончания школы никуда поступить нельзя. Сидят дома или на рынке торгуют... Детей намного стало меньше. Намного, что бы там по телевизору ни говорили. Там, когда мы жили в Средней Азии, действительно были семьи по пять-семь детей. Но здесь таких семей я не могу назвать. В среднем — двое-трое» (турчанка-месхетинка, жительница г. Крымска с 1989 года, 1955 года рождения, из Ташкентской области).

«У меня два сына, у каждого — по два ребенка. И больше не хотят ни они, ни жены, в связи со сложной жизненной обстановкой... Из Узбекистана турки приехали из разных мест. Те, кто жил там в русских поселках, почти и не изменились здесь. Ну, стали таскать такие же короткие платья, как русские, одеваться так же, такие же прически делать, вечера и свадьбы такие проводить. Вот недавно женил сына сестры. На свадьбе были и русские, и танцы общие танцевали, русские и турецкие. Это турецкая свадьба или такая, общая? Скажу так: борщ из одной капусты не сварить. Нужно и свеклы, и морковки положить. Так же наш народ воспринял отсюда то, что надо. И борщ мы варим. Ну, свиное мясо не едят, хотя лично я употребляю. А многие русские, я знаю, свиное мясо не едят» (турок-месхетинец, житель поселка Саук-Дере Крымского района с 1989 года, 1940 года рождения).

«Мы изучили другие народы, другие религии. Рядом сосед, у него праздник — день святого Валентина, день святой Марии, Пасха, мы поздравляем. На Пасху говорим: «Христос воскрес!». Я от этого не помру, а человеку приятно. Нас также поздравляют... Мы идем в ногу со временем. Детей разное количество. Но в среднем — два-три. Но детей бы было больше, если бы мы были защищены законом» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1990 года, 1964 года рождения). В этом ответе показательно, что респондент-турок воспринимает день святого Валентина как русский православный праздник (впрочем, как и многие русские из числа молодых людей).

Респонденты фиксировали в ответах также отрицательные изменения, произошедшие за годы проживания турок на Кубани и связанные с неопределенностью их правового статуса: «За эти годы на Кубани мы потеряли образованность. В Узбекистане каждый второй был с высшим образованием, каждый третий — со средне-

техническим. У остальных — средняя школа или какое-то училище. Здесь этого нет» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1989 года, из Ташкентской области, 1949 года рождения).

Некоторые турки говорили об уроках пережитых проблем: «Под давлением живущий народ крепким бывает. В мельницу сейчас бросьте — турки из нее живыми выйдут. Они, как сказать... как евреи. Они уже трудности видели. В Америке наши почти все богатыми будут, потому что мы уже все видели, знаем, как работать, как с кем обращаться» (турок-месхетинец, житель города Крымска с 1989 года, 1951 года рождения).

Некоторые респонденты-турки говорили о культурных заимствованиях местным русским населением: «Приходят соседи, говорят: «Как вы хорошо манты делаете!». Соседка выпрашивает у моей жены, что и как. Через время захожу к ним, смотрю — тоже манты готовят!» (турок-месхетинец, житель поселка Саукдере Крымского района с 1989 года, 1940 года рождения). Отметим, что процесс культурных заимствований является двусторонним (как от русских — туркам, так и от турок — русским), хотя подобные заимствования старожильческим населением фиксировались в ходе нашего исследования только в области традиционной кухни.

После выселения из Узбекистана турецко-месхетинское самосознание существенно усилилось, что некоторые респонденты фиксировали наряду с другими изменениями: «Женщины работают, а мужики дома сидят. Но это потому, что если мужик из дома выйдет, у него проверяют документы и берут штраф минимум 500 рублей. Поэтому женщина мешок картошки на спину, и на рынок — продавать... Когда жили в Средней Азии, турками никто нас не считал. Называли просто — «кавказ». Я даже не знал, что я — турок. У меня в паспорте было написано — турок, а знакомые пацаны мне там говорили: «Какой ты турок? Ты — кавказ!» Естественно, люди менялись. Жизнь-то идет... Количество детей в семьях сейчас меньше, потому что жизнь стала тяжелая» (турок-месхетинец, житель Абинска с 1989 года, из Самаркандской области, 1973 года рождения). Для данной группы на протяжении достаточно длительного времени (особенно в Средней Азии) была характерна неопределенность этнического самосознания, которая закреплялась отсутствием четких представлений об их этничности у народов, среди которых турки-месхетинцы расселялись. Назира Вачнадзе вспоминает: «Когда выселяли, выслали как турок, в списках так указывалось. А после, когда попали в Среднюю Азию, вообще невозможно было определить — кто мы? Кто в какой республике как хотел, как нас воспринимал, так и писал. Детям, попавшим в детдом, национальность присваивалась от названия республики, в которой находился это детдом. Детям, которые родились в ссылке, в метриках писали — Кавказ — в лучшем случае, в худшем, опять же, от названия республики»¹⁶.

Практически все респонденты, за редкими исключениями, могли вспомнить конкретные примеры межэтнических браков с участием турок-месхетинцев, заключенные в период их проживания в Краснодарском крае. При этом гораздо более часто встречался вариант брака, когда мужчина-турок брал в жены женщину другой этнической принадлежности. «Одной из претензий со стороны власти было то, что нет межнациональных браков. Двое моих братьев женаты на русских. Моя племянница, Марина, замужем за русским. Наша религия не запрещает любить людей другой веры, но чтобы это были представители конфессий, которые поклоняются единому богу. На каждой улице есть совместные браки, если пройдемся. Недавно была свадьба — два брата женились. У одного жена — турчанка, у другого — русская. И это была такая свадьба! И как можно заставить жениться на человеке, которого не любишь? Боюсь назвать цифру таких браков, но их достаточно много. Можно уже выделять межнациональные браки среди зажиточных людей, среднего достатка и небогатых. Были межнациональные браки с узбеками и в Узбекистане. Если муж — узбек, то они там остались, если жена — узбечка, то она с нами приехала» (турок-месхетинец, житель станицы Варениковской с 1989 года, 1948 года рождения).

«Двоюродной сестры сын женится на девчонке, 7 мая свадьба будет. Она — гречанка... Ахмедов женился на русской, уже уехали в Пенсильванию, очень хоро-

шо друг с другом живут. Когда здесь был конфликт, она, русская, защищала мужа от казаков» (турок-месхетинец, житель города Крымска с 1989 года, 1951 года рождения).

Иногда респонденты давали оценку количества межэтнических браков с участием турок-месхетинцев: «У меня двоюродной брат женат на русской, живут в Крымске. Они вместе учились в институте, там понравились друг другу и женились... Думаю, процентов 10 уже у турок межнациональных браков» (турок-месхетинец, житель города Новороссийска, в Краснодарском крае с 1989 года, 1975 года рождения).

Отношение турок-месхетинцев к межэтническим бракам, по мнению респондентов, зависит от возраста. «Как относятся к таким бракам? Как вам сказать? Пожилые люди не хотят таких браков. Но молодежь соглашается» (турчанка-месхетинка, жительница г. Крымска с 1989 года, из Ташкентской области, 1955 года рождения).

«Родители, конечно, сначала отрицать будут, если кто-то захочет жениться на другой национальности. Свое есть свое. Так у любой национальности. Ну а потом так: тебе жить!» (турок-месхетинец, житель Абинска с 1989 года, из Самаркандской области, 1973 года рождения).

В зафиксированных нами редких случаях межэтнический брак становился механизмом ассимиляции и социальной мобильности турок-месхетинцев: «Ни одна турчанка и ни один турок без согласия родителей за другую национальность не выйдут... Один турок, у него мать русская, взял фамилию матери, женился на русской» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1990 года, 1964 года рождения).

Наличие межэтнических браков и их положительная динамика говорят о развитии интеграционных процессов у турок-месхетинцев Краснодарского края. Для общностей с очень высоким в недалеком прошлом уровнем традиционализма характерно негативное отношение к межэтническим бракам, особенно к выдаче замуж женщин этой группы за представителей другой национальной и религиозной принадлежности. В своих мемуарах Назира Вачнадзе рассказывает о показательном случае, который характеризует отношение к бракам с русскими в период перед депортацией: «В 1938 году и наша семья пострадала. В этом году моя старшая сестра закончила педтехникум. Все однокурсники были в нее влюблены, и не только они. Все, кто ее видел, сразу влюблялись, но, зная, чья она дочь, не решались посвататься, сознавая, что могут получить отказ. Влюбился в нее и начальник НКВД Адигенского района Миша Блудов. Когда она сказала, что он хочет взять ее в жены, все, как один, высказались против. Тогда он через нее передал родителям, что если они не дадут согласия, он их арестует по той причине, что они не признают русских и получают разжигателями национальной вражды между русскими и мусульманами. Мой Али-эми на это ответил: «Пусть арестовывают меня, напугал. Пусть я пострадаю, а ее спасу. Как нам жить потом среди нашего народа. Нам же скажут — что, наши женихи перевелись, что за русского отдали?». Но он так напугал сестру, что, чтобы отвести от семьи беду, она согласилась выйти за него замуж. Долго гудела родня, земляки, друзья. Все осуждали нашу семью за это, но сделанного было уже не переделать»¹⁷. Отметим, что недовольство родственников невесты вызвало не то, что жених служит в карательных органах, не его личные качества, а именно этническая принадлежность. Сам факт выхода замуж за русского вызвал очень широкий общественный резонанс и негативную реакцию без каких-либо исключений. Сравним эту ситуацию с современной, легко сделать вывод о существенных изменениях в отношении к межэтническим бракам женщин-турчанок.

Многие опрошенные в ходе исследования турки подчеркивали вынужденный характер своего отъезда из Краснодарского края в США: «Мой сын мне говорит: «Это моя родина, я не хочу ни в какую Америку ехать! Дайте мне паспорт, я хочу здесь служить, учиться». А ему говорят, что он должен уехать. Теперь что делать ему, что делать мне? Вот вопрос, большой вопрос. Мне жизни не дают и ему ни паспорта, ничего. Ему ни в техникум, ни в институт» (турок-месхетинец, житель хутора Армянского Крымского района с 1989 года, 1963 года рождения).

«Лично я сама не хотела уезжать. Я вынуждена уехать. Ради спокойствия своих детей. Думаю, и другие люди так же вынужденно уезжают» (турчанка-

месхетинка, жительница г. Крымска с 1989 года, 1955 года рождения, приехала из Ташкентской области).

«Я бы никуда не уезжал. Подал документы, считайте, вынужденно, потому что все мои родственники подали документы на выезд. Первое время подавали документы так, на всякий случай. Подадим, а потом посмотрим. Но люди, которые уже туда уехали, пишут, что все нормально... Мои русские одноклассники вчера буквально, когда устраивали прощание перед моим отъездом, плакали. Говорили, что умом они меня понимают, а сердцем понять не могут. Извинялись, что так получилось» (турок-месхетинец, житель города Новороссийска, в Краснодарском крае с 1989 года, 1975 года рождения).

В интервью выезжающих турок встречаются прогнозы по поводу такой миграционной замены населения после отъезда турок, которая будет не на пользу местного сообществу: «Ладно, мы уедем. Но ведь приедут такие, которые намного хуже турок будут!» (турок-месхетинец, житель поселка Саукдере Крымского района с 1989 года, 1940 года рождения).

В то же время участие турок-месхетинцев в программе переселения в США является массовым. «Кто не уезжает? Люди, у которых родители болеют, и они не могут пока выехать. Или родственники где-то в другом месте живут, в Ростовской области, в Воронежской. Там они живут нормально, прописаны... Если бы была прописка, все остальное было бы нормально» (турок-месхетинец, житель поселка Холмского Абинского района с 1989 года, из Наманганской области).

Респонденты из числа турок-месхетинцев фиксировали в ходе интервью различные способы ограничения прав турок и ущемления их интересов. Среди таких нарушений прав — отказ в приеме на работу и необоснованные увольнения. «Я работал на заводе железобетонных изделий. Наших там человек 10 работало. Проработали год, потом нас вызвали и сказали, что начальство давит и нам нужно уволиться. Это было в 1994 году... Наши женщины, девушки работали на табаке почти два года. Их тоже всех уволили, потому что не было прописки... Дети учатся отдельно. Мой сын учится в классе, где только турки-месхетинцы, всего 4 человека. Весь класс — из 4 человек! Учителя объясняют это тем, что они плохо учатся» (турок-месхетинец, житель поселка Холмского Абинского района с 1989 года, из Наманганской области).

«Национальной почвы у конфликтов между турками и местными нет. Этому конфликту придают национальный характер. Мы официально арендовали спортзал года 4 назад в школе Варениковской для проведения молитвы. Два часа в неделю. Что в этом такого? Опрятно одетые, вымытые люди. Такой шум подняли! Налетели из числа казачества, из вышестоящей администрации. Директора чуть не уволили. На противодействии такому святому делу нечистоплотные люди делали себе карьеру. С тех пор нам принципиально не дают залы в аренду. «С турками мы никогда не жили и не будем жить, вы — неугодный народ, вы не подстраиваетесь под наши законы, наши устои жизни». Мы понимаем, что в каждом государстве есть законы, которые все должны выполнять. Законы, а не обряды. Обряды у каждого свои. Если человек хочет носить головной убор, пожалуйста, пусть надевает. Нас же винят в том, что мы не можем «акклиматизироваться». Опять же подмена понятий. Как неугодный народ, как исторического врага нас хотят выжить любыми способами: обман, страх и так далее. Уже и законодательство подогнали к тому, что нас можно депортировать... Грубо нарушаются экономические права. Краевые власти по телевидению открыто говорят: по закону не можем выслать, но сделаем все, чтобы они уехали. Не давайте им работу. Директора Холмского элеватора оштрафовали на 100 минимальных окладов за то, что он держал 4 турок, которые там же жили и выполняли самую черную работу, на которую не шли местные. Сейчас решается судьба человека: на Варениковском элеваторе работает человек, начальника которого хотят оштрафовать на 400 окладов за то, что он его держит на работе. Два врача работали в Новороссийске, обоих уволили. Предложили написать заявления. Фактически за то, что турки. Сейчас официально работающих турок очень мало. Увольняют даже граждан России. В центре Нижнебаканского турок, живущий в Саукдере, пытался открыть кафе «Дары природы», ему не дают это сделать 4 года» (турок-месхетинец, житель станицы Варениковской с 1989 года, 1948 года рождения).

Очень часто приводились примеры незаконных денежных поборов и штрафов за проживание без регистрации: «Приехали... сказали: «Платите за землю». Насосы отобрали у людей. Поливают люди поля, приходят — плати за землю! Кто они такие? Правоохранительные органы, что ли? Какое имеют право забрать мою собственность? Правосудно часто это делают последние 3 года. Только выйдешь на реку — сразу паспорт проверяют. Но если дашь 50 рублей — никто в паспорт и не заглянет... Говорят: «Вы захватываете нашу землю». Я эту землю арендую и плачу хозяину... Первые годы, девяносто первый, девяносто второй, казаки с милицией ходили по домам, проверяли... Штрафы за то, что живем без прописки, — четыреста пятьдесят рублей... Если мне сейчас дадут прописку и все сделают — я все равно не хочу здесь жить... Нас не прописывают. Вот у меня все материалы лежат — собрался дом строить. Полтора года ходил, умолял, оформлял строительство. Это очень трудно было, на суд подавал. Строить уже не буду — еду в Америку... У меня у отца вторая группа инвалидности была, он уже здесь ослеп. Он воевал — даже его не прописали... Я когда работал на машине, рис возил в Молдову, меня у ГАИ поставили к стенке, и гаишник говорит: «Куда на такой машине едешь, своим работы не хватает!». Это было на посту между краем и Ростовской областью. Пост краснодарский» (турок-месхетинец, житель города Крымска с 1989 года, 1951 года рождения).

Некоторые респонденты отмечали усиление незаконных денежных поборов в связи с отъездом в США: «Вот сейчас: мы уезжаем, нужны новые паспорта для выезда. Кто где прописывается для их получения. Идут, дают деньги. Все за деньги! Есть люди, которые все продают, даже постель, чтобы уехать» (турок-месхетинец, житель г. Крымска с 1989 года, 1939 года рождения, из Ташкентской области). Многие респонденты-турки говорили об экономических мотивах нарушения их прав: «Если документы проверить у татарина или русского, какой от этого толк? А с турка можно деньги взять, потому что он без прописки. И он никуда не пожалуется... Временную регистрацию дают тоже за плату. Приходим в паспортный стол, говорят, что не вовремя пришел, просрочил, и тоже штраф» (турок-месхетинец, житель г. Абинска с 1989 года, 1952 года рождения, из Ташкентской области). «Некоторые турки работают в совхозе. И отношение к ним такое: если коренное население получает по 500 рублей, то наши — только по 200. Трудовые книжки не дают» (турок-месхетинец, житель поселка Саукдере Крымского района с 1989 года, из Ташкентской области, 1940 года рождения). Таким образом, неопределенность правового статуса турок-месхетинцев фактически позволила сделать их источником нелегальных доходов как для частных лиц, так и для ряда коммерческих структур.

«Постоянно проверяют документы. Идешь на рынок: «Документы! Почему без прописки?». Потом еще — земля. Мы идем к арендатору, который взял землю за копейки, а он ее перепродает нам. Деваться некуда — детей надо кормить. Напрямую землю в аренду не дают... Отбирают насосы, если увидят, что землю поливаем. Автомобили не регистрируют, если кто покупает. В основном люди ездят на машинах, купленных по доверенностям» (турок-месхетинец, житель г. Крымска с 1989 года, 1948 года рождения, приехал из Ташкентской области).

В Крымском районе были зафиксированы проблемы даже с оказанием экстренной медицинской помощи туркам-месхетинцам: «Не могу сказать, что у нас плохие отношения с местным народом. С народом у нас все хорошо. Проблемы у нас с властью. Я из Крымска далеко не ходила, я страдала здесь. Приболела, пошла в поликлинику. Целую неделю туда ходила, чтобы попасть к этому врачу. В конце концов попала, но он просто вышвырнул меня из кабинета. Сказал, что у меня нет полиса, я не прописана. Идите, лечитесь там, откуда приехали. После этого я никуда не обращалась. Я заплакала, вышла. Но дверь я им закрыла, как меня попросили. Они сказали закрыть дверь с той стороны. Я, правда, не закрыла, я хлопнула этими дверями. Потом я ушибла ногу. Сын отвез в поликлинику, на руках внес. Два часа ждали в очереди. И опять меня не приняли... Ходила на рынок, по дороге остановили, спросили документы. А у меня нет прописки, что я документы с собой таскать буду. Нас вдвоем сразу завели в милицию. Мне стало плохо, часа через два отпустили. А вторую женщину отпустили после того, как вечером за нее штраф заплатили...» (турчанка-месхетинка, жительница г. Крымска с 1989 года, 1955 года рождения, приехала из Ташкентской области).

Среди самых распространенных нарушений прав, названных респондентами, — отказ в регистрации собственности: «Наш дом, который мы купили в Нижнебаканском, не оформляли в собственность. Мы подали в суд, нам суд его присудил. Но нам дом все равно не оформили, сказали: «Не будем, и все!». Мы попросили дать письменный отказ, не дали» (турок-месхетинец, житель города Новороссийска, в Краснодарском крае с 1989 года, 1975 года рождения).

Среди способов нарушения прав опрошенными назывались такие, которые не наносят экономического ущерба, но разрушают чувство собственного достоинства: «Мой отец в Узбекистане был заместителем военкома, в звании капитана. Когда он сюда приехал, его даже не поставили на воинский учет» (турок-месхетинец, житель города Новороссийска, в Краснодарском крае с 1989 года, 1975 года рождения).

Очень часто турки-месхетинцы получают отказы в предоставлении справок и других документов: «Люди занимаются огородами, теплицами. Для того чтобы продавать овощи на базаре, нужна справка сельсовета, что это все — твоя продукция. Сельсовет не дает такие справки... Землю не дают в аренду. Берет в аренду землю кто-то из местных, у кого есть прописка, а мы у них арендуем... Я не знаю, почему нас не хотят прописать. Хоть бы назвали такую причину — вот почему вас не прописываем. Нет такой причины!» (турок-месхетинец, житель поселка Холмского Абинского района с 1989 года, из Наманганской области). В последнем ответе важна фиксация респондентом нерациональности, по его мнению, отношения к туркам, отсутствия четко сформулированных причин негативного отношения к ним.

«Я закончил 9 классов. После девятого не учился, потому что у меня нет документов, чтобы дальше учиться. После школы учатся те, кто прописан, в том числе в других областях» (турок-месхетинец, житель пос. Холмского Абинского района с 1990 года, 1979 года рождения, из Наманганской области).

По мнению некоторых респондентов из числа турок, происходило их вытеснение из престижных сфер деятельности: «Моя жена торговала на вещевом рынке, занималась такой маленькой предпринимательской деятельностью. Там казачий рынок. Ей сказали: «Здесь должен казак стоять!». Как, если деньги заплачены? Уплатили, ларь свой. Бросить это все и отдать кому-то? В итоге рынок перестроили и назначили такие цены, что и близко не подойдешь! И стоимость аренды определяли по-разному, в индивидуальной беседе. Не на общем собрании, а с каждым отдельно. Сейчас жена там не работает... В школе поступают, знаете, как с аборигенами в Австралии где-нибудь. Говорят, дети не знают языка. Ну как мои дети не знают русского, у меня два диплома о высшем образовании!... О моей дочери сказали, что она умственно отсталая. Мне пришлось пойти на конфликт. Сказал, что подам заявление о проведении медкомиссии. Прошли комиссию. Дочь признали совершенно нормальной. Понятно, что в Средней Азии дети учились по другой программе, не такой сложной. Но дети же подтягиваются в учебе со временем!» (турок-месхетинец, житель г. Абинска с 1989 года, 1952 года рождения, из Ташкентской области).

В некоторых средних школах после окончания 9 классов туркам-месхетинцам предлагали поступать в профессиональные училища, однако это не всегда было возможно сделать без регистрации и российских паспортов: «После девятого класса сказали, что турки дальше учиться не будут. Я сказала, что пусть учится в школе, потому что где ему еще учиться без документов? Двое всего турок оставалось в классе. Мой закончил школу нормально» (турчанка-месхетинка, жительница хутора Армянского Крымского района с 1989 года, из Ташкентской области, 1964 года рождения).

Для защиты своих прав турки-месхетинцы используют несколько типовых способов, выявленных в ходе интервью. Приведем большой фрагмент из интервью одного из лидеров турок-месхетинцев, который осветил вопрос о защите прав наиболее полно: «Защищать свои права пытаемся только законными способами. К сожалению, они малоэффективны. Даже суды не принимают наши заявления. Ссылаются на то, что мы — не российские граждане. Иногда находят другие

причины, формальные и неформальные. Если суд все же принимает решение в нашу пользу, оно не исполняется. Есть 26 судебных решений признать факт проживания по состоянию на 6 февраля 1992 года и зарегистрировать по месту жительства. Они приняты несколько лет назад и не исполнены. В крае 15 тысяч турок-месхетинцев, плюс-минус 100 человек. Но нет народа, нет проблем. По официальной статистике показывают меньше. Наверное, только тех, кто переехал в Апшеронский район в 1984 году, по приглашению тогдашнего первого секретаря райкома Харченко. Власти не считают «новых турок», приехавших с 1989 года. Готовясь к переписи, мы встретились с теми, кто за нее отвечал, и получили заверения, что нас будут регистрировать. Думаю, что у них есть все данные о нас. У многих турок-месхетинцев в паспортах указана другая национальность. Когда в 30-е годы наступил «бумажный век» и начали давать паспорта, нас пытались «огрузинить». Люди не согласились. Вообще Сталин был врагом самого слова «турок». Он говорил о том, что в СССР не должно быть никаких турок, могут быть только азербайджанцы. Поэтому когда мы не записались грузинами, нас записали азербайджанцами. Примерно 99% азербайджанцев по паспорту, проживавших в тех районах, из которых нас выселили, на самом деле — турки. Некоторым все же записали в паспорта «грузин», особенно когда оформляли документы при призыве в армию. Малограмотные люди не обращали на это внимания. А в Средней Азии уже в 50-е годы, когда началась массовая паспортизация, в графе «национальность» никогда не указывали — «турок-месхетинец». Писали: азербайджанец, кавказец, татарин, иногда — узбек. Есть пример, когда указали «курт». Не курд, а именно «курт». А человек считает, что он — турок-месхетинец. До сих пор это идет. В одной семье могут быть по записям люди разных национальностей. Вот в моей. Двое дядей — грузины, двое — турки, двое — азербайджанцы. И мне написали в паспорт — «татарин». Я был по паспорту татарин. Мой односельчанин по Ташкентской области Джумалиев четыре раза выбрасывал паспорт, куда ему записывали «азербайджанец». Он говорил: «Я — турок, дайте мне паспорт турка». В итоге добился своего, хотя его чуть не посадили. Для защиты прав турок властям нужно исполнять законы. Вопрос в том, какие законы. Законы того времени, когда мы переселялись, гласили, что мы, как бывшие граждане Союза, являемся гражданами России. Этот закон должен быть выполнен, а потом будем вести речь об исполнении законов, появившихся позже. Нас винят, что мы не ходим в паспортный стол. Каждый из нас индивидуально подал заявление на гражданство. Но все равно людям не дают это гражданство. Тянут, штрафуют, пугают... Один из методов защиты прав — публиковать правду в средствах массовой информации. Власти ссылаются на местное население. Когда люди узнают правду, они перестают голосовать, и так далее. Чиновники очень боятся правды. Просто правду нужно доводить до местного населения. Я имею в виду сознательное население, которое в следующий раз подумает — чем же занимается этот чиновник. Через суды бороться бесполезно. Там даже не принимают заявления. В Международном суде в Страсбурге годами ждут наши дела, хотя из Латвии дело одной женщины рассмотрели очень быстро, наверное, с помощью Рогозина. Там еще какие-то дети оказались. На какие деньги они туда поехали? Я не говорю, что это плохо, это все хорошо. Но почему к нам так же не относятся? В Страсбурге около десятка дел турок-месхетинцев (турок-месхетинец, житель станицы Варениковской с 1989 года, 1948 года рождения).

Наиболее распространенным способом защиты собственных интересов для турок является взятка: «Как права защищаю? Я плачу деньги. Все другое — это проигрыш... Думаю, невозможно сделать так, чтобы права турок не нарушались. Если уже чиновники нарушают, правоохранительные органы нарушают... Вот у меня в паспорте запись: «турк». Безграмотный человек записывал, наш председатель колхоза. У него всего образования было 7 классов. Потом, правда, еще учился, но остался неграмотным. Отчество мое в паспорт не записали. Хожу без отчества, когда спрашивают, отвечаю, что детдомовский» (турок-месхетинец, житель города Крымска с 1989 года, 1951 года рождения). В данном фрагменте

интервью показательным является также указание на недовольство респондента по поводу отсутствия записи об отчестве в паспорте. Отметим, что до поселения в Краснодарском крае в быту у турок отчества не использовались и до настоящего времени используются слабо.

«Нам не оформляли дом в собственность даже после решения суда. Мы нашли другой выход. Через фирму: оплатили ее расходы, и дом нам оформили» (турок-месхетинец, житель города Новороссийска, в Краснодарском крае с 1989 года, 1975 года рождения). Целый ряд респондентов указывали на то, что они оформили право собственности на свои дома при помощи фирм-посредников, заплатив сумму, примерно равную 3 тысячам долларов США. Можно сделать вывод, что в некоторых районах проживания турок-месхетинцев сложилась новая сфера бизнеса — посредническая деятельность по решению их проблем с регистрацией собственности. Отметим, что в этом отношении ситуация далеко не одинакова в разных районах Краснодарского края, по утверждению самих респондентов.

По словам опрошенных турок-месхетинцев, один раз за время их проживания на Кубани был использован такой способ защиты прав, как массовая голодовка: «В 2002 году проводили голодовку по защите прав. Никакого результата не было» (турок-месхетинец, житель поселка Холмского Абинского района с 1989 года, из Наманганской области).

Иногда использовались угрозы массовых акций гражданского неповиновения: «Когда произошло это избиение в Новоукраинском, мы выдвинули условия: если не прекратится, перекроем дорогу, пойдем в Краснодар пешком. Был заместитель главы района, ему и сказали» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1989 года, из Ташкентской области, 1949 года рождения).

Иногда, в случае последовательных и целенаправленных действий по защите прав, обращений в органы государственной власти и местного самоуправления, туркам удавалось решать некоторые проблемы: «В прошлом году я провожал сына в армию, нужно было продать корову, купить кое-что. Я пошел в сельсовет за справкой, чтобы зарезать корову. Мне отвечают, что справку не дадут. Как это? Я здесь живу, прописан, гражданин России. Отвечают, что туркам запретили давать справки. Приехал в прокуратуру района к заместителю прокурора, стал жаловаться. Из прокуратуры звонили в сельсовет, не дозволились, ничего не решили. Приехал к военкому, все рассказал. Тот тоже звонит, не может дозвониться. Пришел к депутату. И этот ничего не решил! Уже когда приехал домой, сосед говорит: «Звонили тебе из района, сказали забрать справку». Зачем меня неделю гоняли?.. Сына я в армию не пустил. Обнаружили, что он болеет, его не взяли» (турок-месхетинец, житель поселка Саукдере Крымского района с 1989 года, 1940 года рождения).

Довольно часто кубанские турки-месхетинцы применяли такой способ решения своих проблем, как прописка и получение российского гражданства на территории другого субъекта РФ, например, Ростовской области, Ставропольского края, Карачаево-Черкесской Республики, даже Чеченской Республики. После этого, продолжая жить в Краснодарском крае, турки получали значительно большие возможности: «Вот один знакомый поступил в вуз в Краснодаре. Но у него прописка не местная, он прописался в Ростовской области. Только поэтому он смог поступить» (турчанка-месхетинка, жительница г. Крымска с 1989 года, 1955 года рождения, приехала из Ташкентской области).

«Здесь у меня поступить не получилось, потому что не было прописки. Я поехал в Черкесск, поступил заочно и закончил вуз по специальности инженер-механик... Что меня удивило, пока я там был, ни один сотрудник милиции ко мне не подошел и не проверил документы» (турок-месхетинец, житель города Новороссийска, в Краснодарском крае с 1989 года, 1975 года рождения).

«Я инвалид войны первой группы, участник Сталинградской битвы. Здесь не прописывали. Поехал в Ставропольский край, там прописался. Мой командир дивизии, генерал-лейтенант, помог. В Ставропольском крае и Ростовской облас-

ти наши люди прописаны и пенсию получают» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1990 года, 1921 года рождения).

Некоторые семьи выезжали с территории Краснодарского края для постоянного проживания в другие субъекты Федерации. В ходе работы на хуторе Армянском автор записал интервью турчанки, которая с семьей в 1995 году выехала из хутора в Ставропольский край. Причиной выезда послужила попытка выселения нескольких семей: «Раз пришли, могут еще прийти, когда захотят. Через несколько месяцев мы уехали. Дом же сразу не продашь. В Ставропольском крае очень хорошо. Прописка есть уже, сразу дали. Гражданства не дали, нужно ждать пять лет, но это по закону. С соседями здесь у нас были хорошие отношения. А те, которые здесь скандал делали — мы их даже не знали. Они не сказали, кто они и откуда. Наша бабушка после этого скандала всего два дня прожила, у нее давление большое было» (турчанка-месхетинка, ранее проживала на хуторе Армянском Крымского района, 1965 года рождения).

«В 1998 году мы жили в Чечне 8 месяцев, уехали за пропиской. Здесь нужно было каждые 45 суток платить больше 280 рублей за регистрацию. Поехали туда на 40 дней покойной бабушки, там зарегистрировались. Потом с российской пропиской здесь нужно было уже платить всего 16 рублей каждые полгода. Это уже легче для семейного бюджета, в семье-то 5 паспортов» (турчанка-месхетинка, жительница села Русского Крымского района с 1989 года, из Ташкентской области, 1952 года рождения).

Главной проблемой, составляющей основу всех других проблем кубанских турок-месхетинцев, респонденты называли отсутствие регистрации: «Если бы я была губернатором, я бы прописала турок-месхетинцев. Тогда мальчишек можно было бы забрать в армию. Все бы работали и учились. Все это из-за прописки получается. Все остальные проблемы разрешились бы сами» (турчанка-месхетинка, жительница г. Крымска с 1989 года, 1955 года рождения, приехала из Ташкентской области).

Представления турок-месхетинцев о старожильческом населении, как показали проведенные автором интервью, очень разнообразны. Чрезвычайно показательным в этом отношении является следующий ответ: «Какие местные жители? Опишу соседей, а выводы сами сделаете. Один сосед занимается мелким бизнесом. Этот бизнес долго преследовался. Семья полноценная, дети нормальные, с нами в прекрасных отношениях. Другая соседка — старушка, за 80 лет. Дети приходят редко. Моя жена и дочка идут, помогают. Она плачет: «Куда вы уезжаете, на кого меня бросаете?». Это не показуха — показухой 15 лет не будешь заниматься. Еще одна — безмужняя, личная жизнь не сложилась. Сожитель ее бьет. Их три брата, часто дерутся. Один раз я из рук прямо топор взял. Опоздал бы — он бы отрубил своему брату голову. Вот действительно обычай. Не можем мы привыкнуть к местным обычаям! Когда она кричала: «Помогите!» — никто не помогал. Я не черную людей, просто местные устои такие — когда кто дерется, никто не подходит. А я бросился в эту драку. Я просто не мог удержаться, чтобы перед моими глазами брат убил брата. Если это — неуважение местных обычаев, то, извините, лучше нам действительно уехать. Был случай — я часто ходил по улице Пушкина, там встречал одного старика. Я с ним здоровался. Он один раз не взял мое приветствие, второй. Потом как-то остановил меня и спросил: «Ты меня знаешь?». Отвечаю: «Нет». Он говорит: «Тогда почему здороваешься?». Объяснил, что у нас так принято — здороваться со старшими. «А у нас так не принято. Если не знаешь, то не здоровайся». Как-то поехал по договоренности с женщиной купить картошки. Стучу в ее калитку, а из дома — крик и мужик с ружьем: «Убирайся, а то пулю в лоб получишь!». Их сосед это слышал, говорит: «Зачем с этим придурком связался, покупай у меня». Продам мне картошку не по 3 рубля, а по 2,50. Есть разные русские люди. Но говорить и писать нужно о хороших, на которых мир держится» (турок-месхетинец, житель станицы Варениковской с 1989 года, 1948 года рождения).

«В Узбекистане я собаку не держал, а здесь серьезную собаку держу, потому что воруют. Дверь в доме оставишь открытой — туфли из прихожей воруют»

(турок-месхетинец, житель города Крымска с 1990 года, из Ферганской области, 1935 года рождения). Нужно уточнить, что в ответах турецких респондентов по данному поводу встречались и прямо противоположные утверждения по поводу уровня воровства: «У меня здесь на двери дома крючка не было. Это вот недавно брат из Чечни приехал, крючок повесил, а до этого не было» (турчанка-месхетинка, жительница села Русского Крымского района с 1989 года, из Ташкентской области, 1952 года рождения). Вероятно, ситуация существенно различается в разных населенных пунктах, где живут турки-месхетинцы, в зависимости прежде всего от размеров этого поселения (в маленьких поселениях, где все знают друг друга, воровство всегда менее развито). Люди же иногда склонны делать широкие обобщения на основании своего личного опыта.

«Когда жили в Узбекистане и в коллективе был хоть один русский, то когда нужно было правду искать, искали в нем, русском. Считали, что если русский скажет, то правильно скажет... Когда сюда приехали, власти не хотели нас принимать. Но сами местные русские сказали: «Покупайте дома и живите. Они и над крымскими татарами так издевались». Когда нам не давали купоны на товары, бензин на заправках, русские нас поддерживали. И морально, и материально. Были случаи, когда у человека ничего не оставалось, а его контейнер с вещами и мукой гоняют от Новороссийска до Ташкента и обратно. Тогда русские давали деньги. Да, мы потом вернули. Но в такое время данный рубль миллиона стоит. Ни о каких процентах речь даже не шла. У моих соседей ко мне претензий нет, потому что у меня к ним претензий нет. Я, может, моему соседу Юре во много раз больше вреда принес, чем он мне, но он об этом ни разу даже не намекнул. Сознательно я, конечно, ничего плохого не делал. Но как-то моя корова зашла к нему в огород, он ни слова не сказал» (турок-месхетинец, житель хутора Новоукраинского Крымского района с 1990 года, 1964 года рождения).

«Чем нация меньше, тем свои законы сильнее держат. Поймите правильно — русская нация большая, и они у вас как-то, ну, не принимаются. Русские и здесь, и в Москве, и в Иркутске. А нас мало, и поэтому всем нашим близки традиции» (турок-месхетинец, житель поселка Саукдере Крымского района с 1989 года, 1940 года рождения).

Характеристика местного сообщества давалась некоторыми респондентами-турками через «отстройку» от русских: «Мы отличаемся добротой и трудолюбием. Не в обиду русским будет сказано, но у нас нет бомжей, пьяниц. Мы не увлекаемся алкоголем, серьезнее к этому относимся, потому что все время думаем о семье, о детях, о родителях» (турок-месхетинец, житель поселка Саукдере с 1989 года, из Самарканда, 1944 года рождения).

Необходимо отметить, что для любых групп мигрантов, которых разделяет с принимающим сообществом большая социокультурная дистанция, характерно эмоциональное неприятие местной культуры. Так, В. Хармз делает следующий вывод на основе изучения психологической адаптации иракцев в Швеции: большинство эмигрантов высказывают позитивное отношение к шведской культуре и традициям, особенно такая тенденция наблюдается в группе мужчин. Однако 30 процентов участников исследования высказывают негативное отношение. Следует отметить, что, давая позитивную оценку шведской культуре и традициям, многие эмигранты подчеркивали, что это им не подходит, отмечали существенную разницу в традициях. В беседе подчеркивали: «Их культура для них хорошая, но с нашей культурой большая разница». По сумме всех положительных оценок более 80% приходилось на долю таких высказываний. Эти данные указывают на рациональное принятие эмигрантами шведской культуры и традиций, при одновременном негативизме и отторжении на эмоциональном уровне¹⁸. По мнению Н.М. Лебедевой, чем более далекой воспринимается культура принимающего сообщества, тем сильнее в группе мигрантов могут развиваться механизмы психологической защиты. Действие этих механизмов выражается в усилении положительного образа собственной группы и негативного образа иноэтнического окружения. Так осуществляется отдаление от культуры, воспринимаемой в качестве далекой, в целях сохранения собственной этнокультурной идентичности¹⁹.

Характеристика взаимоотношений турок- месхетинцев с представителями местного сообщества

Говоря о восприятии турок-месхетинцев старожильческим населением Краснодарского края, необходимо отметить сложный характер самой группы старожилов. К ней относятся люди самых разных социальных статусов, уровня образования и профессии. Часть из них имеет опыт личного общения с турками, но у большей части такого опыта нет. Выражаемое словами отношение некоторых представителей местного сообщества к туркам-месхетинцам может определяться не их личным опытом взаимодействия, а преобладающей в их социально-профессиональной группе установкой (например, у сотрудников правоохранительных органов, органов местного самоуправления и т.д.). Особо отметим, что в районах расселения большей части турок-месхетинцев, Абинском и Крымском, высок процент мигрантов последних 10 лет среди населения. Этих людей формально нельзя отнести к старожилам, однако часто весь круг лиц, с которыми повседневно общаются некоторые турецко-месхетинские семьи, состоит из таких мигрантов.

В ходе полевого исследования в декабре 2004 — мае 2005 годов взаимоотношений турок-месхетинцев с их непосредственными соседями в Крымском и Абинском районах, городе Новороссийске были зафиксированы многочисленные примеры доброжелательного отношения местных старожилов различной этнической принадлежности к туркам. Интересен в этой связи также вывод социологического исследования, представленный В.Н. Петровым и В.И. Охрименко в работе «Община турок-месхетинцев в Краснодарском крае: черты социального портрета»: «В проведенном опросе была предпринята попытка выяснить мнения турок-месхетинцев о восприятии ими различного вида и уровня отношений к ним со стороны представителей органов власти и различными по кругам близости категориям местных жителей... По данным исследования, высокая степень приемлемости обнаруживается в круге соседства... Отношение соседей оценивается как вполне комплиментарное. 942 (55,8%) опрошенных определяют это отношение как «очень положительное» и 196 (11,6%) как «скорее положительное». В отношениях с соседями у турок-месхетинцев, по оценке опрошенных, почти исключены случаи действий негативного или резко негативного характера»²⁰.

Как подчеркнул один из экспертов нашего исследования В.Н. Ракачев (Кубанский государственный университет): «По результатам проведенных нами в 2002 г. социологических исследований значительная часть местных жителей выделяла турок-месхетинцев в число наиболее конфликтных этносов, но вместе с тем большинство из респондентов непосредственно с ними не контактировало».

Отношения, сложившиеся между турками и их непосредственными соседями, все респонденты-старожилы, опрошенные автором настоящей работы, вне зависимости от их этнической принадлежности определяют как хорошие. При этом соседи турок указывают не только на добрые соседские отношения, но и иногда — на положительные экономические последствия присутствия турок в их населенных пунктах: «Население нашего района очень многонационально. Ну есть турки. Какая разница — те же люди. Мои соседи — колхозники, то есть рядовые люди. Может, и есть среди них те, которые побольше чином и не работают, но я таких не видел. А этим нужно кормить свои семьи. Мой сосед не очень привык к работе на рынке, на что упирают их оппоненты: турки выдавливают русских с рынка. Он привык в Средней Азии в колхозе работать, и здесь он работает... До того, как здесь поселился мой сосед-турок, здесь жила русская бабушка. С ней женщины конфликтовали. Как хорошую хозяйку ее не очень воспринимали. А вот с ним все хорошо общаются. Более того, коровы есть у многих жителей, но молоко только у него покупаем. Привыкли к качественному продукту. Да и отношение к соседям у него хорошее. Я

предполагаю, что, когда он будет уезжать, будет много сожалеющих» (русский, житель Крымска, местный уроженец, 1952 года рождения).

«До турок здесь жили крымские татары, у нас с ними отношения были очень хорошие. Турки нам не мешают. Пусть живут. Земли у нас сейчас много. Я свой огород забросила, просто не в состоянии обрабатывать. Пусть берут, пользуются. Они работают, и помидоры есть, рассада. Жаль будет, когда уедут. Пусть бы их прописали. Такие дома себе построили хорошие. Соседи к этому относятся нормально, никто не возражает» (русская, жительница поселка Саукдере, 1940 года рождения).

Многие респонденты из числа старожиллов акцентируют внимание на такой характеристике турок, как трудолюбие: «На бытовом уровне проблем не возникало. Если и были, то это те проблемы, которые возникали в любой среде... Я сам был свидетелем того, как турок-месхетинец впрягся в плуг и этим плугом распахивал землю. Это же человек труда. Ему не нужна политика, ему нужно просто прокормить семью» (русский, житель города Крымска, местный уроженец, 1956 года рождения).

Совершенно очевидно, что уровень модернизированности (включенности в современную цивилизацию) старожильческого населения Краснодарского края существенно выше по сравнению с турецко-месхетинской диаспорой. Нормы поведения, характерные для традиционного общества, в группе турок-месхетинцев сохранились значительно лучше по сравнению с местным кубанским сообществом. Соответственно, те люди, для которых ценности традиционного общества являются значимыми, высоко оценивают некоторые нормы поведения турок-месхетинцев: «... Живу здесь с 1960 года. Знаю турок со дня их приезда. Только хорошее могу сказать, больше ничего не скажу. В любой дом захожу, в любом доме тебя принимают, чаем напоят, и хорошее отношение. И я, и многие мои друзья ничего плохого о турках не скажем. Никакого хулиганства, вся их молодежь меня приветствует: «Дядя, здравствуйте!». Мы удивляемся, что молодежь так к старикам относится... Они стали наши. До этого здесь 20 лет жили крымские татары, с ними тоже никаких конфликтов не было. Турки занимаются землей, снабжают нас овощами, всем остальным. Вот сейчас их не будет, наши земли заглохнут... У нас на поселке было стадо около 100 коров. Сейчас их осталось всего 18, потому что турки уезжают и все продают. Остались только те коровы, которых наши русские держат. Раньше татары тоже держали коров. А сейчас — вот рынок, несколько женщин стоит с молоком, и втридорога просят за каждую бутылку. Жалко, что турки уедут. Дома в поселке сейчас скупают горожане, для дач. Но это нам неинтересно» (русская, жительница поселка Саукдере, 1927 года рождения).

Некоторые респонденты фиксировали различия во взаимоотношениях турок и русских по возрастным группам: «Сложности связаны, может быть, с тем, что у них другой образ жизни. Но по-соседски мы никаких сложностей не чувствуем. Мы с нашими соседями никогда не скандалили, ни по какой причине... Если в поселке что-то и бывает иногда, так это и между самими русскими бывает. Мне кажется, что между молодыми людьми турками и русскими даже лучше отношения, чем между стариками. Молодые ходят вместе на дискотеку, дружат. В школе с ними такие же проблемы, как и с русскими. Если мальчик из семьи побогаче, то он крутит ключи на пальчике, у него дорогой сотовый в кармане, деньгами распоряжается — не десятки рублями. Но я не слышала, чтобы кто-то упрекал в школе другого, что он не той национальности... Когда они уедут, весь вопрос в том, кто придет на их место. Можно ждать худшего. А к ним мы привыкли» (русская, жительница пос. Саукдере, 1947 года рождения).

Иногда в интервью соседи турок из числа старожиллов высказывали недоумение по поводу расхождения образа турок, нарисованного средствами массовой информации, и образа месхетинцев, которых они знают лично. Для таких интервью, как правило, характерно подчеркивание того факта, что респондент говорит только о своих турецких соседях и не делает более широких обобщений: «О них часто пишут. Я не знаю, чем они насолдили. Народ они работающий. Все — своими руками. Не видела, чтобы они что-то плохое делали. На рынке много турецкой продукции... Не могу сказать о других, но у нас улица вообще замечательная, со всеми хорошие отношения» (русская, жительница поселка Саукдере с 1999 года, 1963 года рождения).

Достаточно часто русские респонденты говорили о неизбежности замещения турок другими мигрантами: «Уедут турки — приедет кто-то другой. Думаю, и с ними найдем общий язык. А не найдем — так и поскандалим. Такова жизнь» (русский, житель поселка Саукдере, 1947 года рождения).

Некоторые русские респонденты указывали на возможные отрицательные последствия отъезда турок, в том числе экономические: «Многие местные жители относятся к туркам недоброжелательно. Считаю, они одурочены. Еще со времен Кондратенко им внушали, что фонды выделяются на определенное количество людей и турки едят их хлеб... Но многие понимают, что с отъездом турок им лучше не будет, а возможно, будет хуже. Могут вырасти цены на сельхозпродукты, овощи, потому что турки занимаются выращиванием овощей» (русский, житель города Крымска, 1947 года рождения).

При демонстративном и стабильном дружелюбии соседей турок представители старожильческого населения отмечают присутствие на территории совместного проживания антитурецких настроений: «Радикально отношение местных к туркам не изменилось после начала программы переселения. Слышишь повсеместно: «Едут, и скорей бы ехали»... Говорят, что казаки вернутся на землю. Я просто в это не верю. Жаль наблюдать эту картину. На моей памяти это уже второй случай. Было такое же массовое негативное отношение к крымским татарам до их отъезда. Думаю, это не последняя такая картина. Просто предполагаю, что следующими будут армяне. Или кто-то еще. А по большому счету, научились бы между собой жить дружно. Очень показательная разобщенность людей именно здесь на Кубани. Это очень характерная черта, и я никак не пойму, откуда она взялась, где ее истоки. Зависть соседа к соседу. Хоть и говорится иногда, что зависть — это двигатель прогресса, по принципу: «Я сделаю лучше!». На самом деле это просто убийственно. Она только мешает... Сопереживать как-то, когда беда случилась, местные жители могут. Нельзя обвинить в том, что еще и сопереживать не умеют. А вот сорадоваться, если у соседа настоящая радость, не могут. Почему это происходит, не могу объяснить» (русская, жительница поселка Саукдере, 1957 года рождения).

«В силу невнятной позиции федерального центра у населения возникали какие-то вопросы к туркам-месхетинцам по земле... Но земли на Кубани хватает, ею нужно пользоваться. Думаю, за этим стоит какой-то экономический интерес, а он уже рождает интерес политический... Да, турки по менталитету, по укладу жизни отличаются от местного населения, но это же не основание, чтобы их травить» (русский, житель города Крымска, местный уроженец, 1956 года рождения).

В то же время многие респонденты из числа местных старожил указывают на различное отношение к туркам их соседей и людей, которые лично не знакомы с месхетинцами: «Был возле клуба как-то сход, спрашивали, какого мнения мы о турках. Там и турки были, и мы из поселка. Никто ничего плохого о турках не сказал, никто...» (русский, житель поселка Саукдере, 1927 года рождения).

Респонденты, не относящиеся к этнической общности турок-месхетинцев, фиксировали такую главную проблему турок, как отсутствие постоянной регистрации: «Самое главное, что их не прописывают, а значит, нельзя устроиться на работу, купить жилье. Из каких соображений это делается, я не знаю» (русская, вынужденный переселенец, жительница города Крымска с 1997 года, 1953 года рождения).

Были отмечены также другие способы нарушения прав турок. «Года три или четыре назад смотрю, соседи собираются куда-то. Спрашиваю. Отвечают, что едут на все лето в Ростовскую область. Здесь власти запретили давать им землю в аренду, а в Ростовской области давали. Кстати, в тот год овощи подорожали очень сильно... Никаких прав у них нет. Ни права голоса, что очень унижительно, ни других прав» (русская, вынужденный переселенец, жительница города Крымска с 1997 года, 1953 года рождения).

Большая часть русских респондентов не задумывалась о причинах существования проблем турок-месхетинцев: «Им не дают прописку. Почему — не знаю. Да они и сами, наверное, не знают» (русская, жительница поселка Саукдере с 2002 года, 1979 года рождения).

Чрезвычайно показательным, по мнению автора, является набор основных претензий, предъявляемых туркам их оппонентами и зафиксированных в ходе проведенных автором интервью. Показательно то, что часть предъявляемых обвинений не имеет отношения к понятию непосредственного ущерба, а некоторые могут быть

адресованы в равной мере представителям любой этнической общности. Можно сказать, что в данном случае многие претензии являются порождением ярко выраженных универсальных человеческих страхов. В то же время отметим чрезвычайно высокий конфликтный потенциал обвинений в сексуальном насилии. Большая часть выступлений местных казачьих структур против турок-месхетинцев была спровоцирована информацией о сексуальном насилии, совершенном турками.

Чрезвычайно интересное наблюдение, сделанное одним из респондентов, дает направление более детального анализа причин межэтнических противоречий: «Между девочками я различия по национальностями замечала меньше, чем между мальчиками. Не могла это никак объяснить. Между ребятами больше противоречий, чем между местными девочками и девочками-турчаночками. Девчонки как-то более дружны между собой» (русская, жительница поселка Саукдере, 1957 года рождения). Для женщин, особенно в традиционном обществе, социальная конкуренция менее характерна, чем для мужчин. Важно, что конкуренция мужчин из-за женщин может стать мотивом враждебности, и в силу своей символичности данный мотив будет очень сильным: «Многое зависит от местных девушек. Им почему-то интересно общаться с этими ребятами, их же силой никто не заставляет. Это надуманная проблема. Но общение местных девушек с турками провоцирует местных ребят. Из-за этого часто случаются драки» (русская, жительница поселка Саукдере, 1957 года рождения).

Некоторые респонденты указывали на применение местным сообществом «двойного стандарта» в отношении турок-месхетинцев: «Если преступления совершают люди других национальностей, то это проходит как-то гладко. А если турок, сразу сходят организуются. Хотя вы же знаете, какая у нас преступность... Местные говорят: «Пока вы их не трогайте, они нормальные. А вот тронь, ты бы увидела, какие они хорошие». Я всегда свою точку зрения высказываю, говорю, что у меня соседи хорошие. А вы не трогайте! Любого тронь, он пойдет на свою защиту. Они очень коммуникабельные, доброжелательные» (русская, вынужденный переселенец, жительница города Крыма с 1997 года, 1953 года рождения).

Было достаточно сложно получить от респондентов из числа соседей турок информацию о конкретных претензиях в адрес месхетинцев. Обычно следовал пересказ, ссылки или изложение конкретных фактов, а не выражение собственного недовольства: «...Слышала такую претензию в их адрес, что это сплошное вредительство почвы. Говорят, что у нас очень плодородная почва, зачем в нее впахивать эти химикаты. Говорилось о том, что повсеместно используются турками химикаты, но я не знаю подтверждений этому. Рассказывают о том, что в районе озера Новокрымское, вверх по течению реки, турки выращивали капусту. И для того чтобы удобрить эту почву, выше по склону выкапывалась яма, туда насыпался мешок удобрений. Вода, проходя через эту яму и дальше по канальчикам, несла удобрения капусте, а потом все стекало в озеро. Тем самым наносился, как говорили, ущерб экологии.

Их обвиняют в развязывании драк, хотя в нашем поселке драки провоцируют в основном местные ребята. Например, 9 мая 2004 года местные спровоцировали других местных ребят на драку. Те, кого провоцировали, были рьяными защитниками турок-месхетинцев. Поэтому вот, получите. Эти ребята действительно очень хорошо относятся к туркам-месхетинцам. Но их таких немного. Драка была массовая, в ней, как говорят, участвовало около 70 человек. Это было на нашей центральной площади, прямо перед конторой совхоза. Непосредственно руки и ноги прикладывали человек 20, а остальные стояли свидетелями. Конечно, пьяные были...

Ссылки идут на то, что у нас наркомания распространяется благодаря им. Мне кажется, это несущественное обвинение. Хотя я сама была свидетелем тому, как турецкие ребята распространяли вещество, которое относится к наркотикам. Это не жевательное вещество, это курят. Но я замечала только одного турка, который это употреблял до самого омерзительного состояния.

Есть часть турок, которая привыкла зарабатывать торговлей. Торгуют и выращенным самостоятельно, и купленным» (русская, жительница поселка Саукдере, 1957 года рождения).

Далеко не всегда русские респонденты высказывали мнения о социокультурных отличиях по отношению к туркам-месхетинцам в форме претензий: «Свадьбы у них бывают часто, мы наблюдаем. Конечно, детей у них очень много. Нам, русским,

этому можно только позавидовать» (русская, жительница пос. Саукдере, 1947 года рождения).

Некоторые респонденты из числа старожилов отмечают некоторое улучшение отношения к туркам за последние годы: «Я вернулся сюда в 2002 году. Отношение к туркам уже было значительно лучше, чем в начале 90-х годов. С этого времени не знаю случаев, чтобы туркам обрезали газ, воду, чтобы к ним приходили казаки и требовали убираться... Отношение местных СМИ, мне кажется, сейчас нейтральное» (русский, житель города Крымска, 1947 года рождения). Приведенный выше фрагмент чрезвычайно показателен, так как интервью взято у человека, который был свидетелем первых лет проживания месхетинцев в Крымском районе, а затем жил за пределами Краснодарского края около 10 лет.

Респонденты, не относящиеся к турецко-месхетинской этнической общности, фиксируют целый ряд изменений, произошедших с турками за время их проживания в Краснодарском крае. «Я был звал одно изменение. Тогда, в начале 90-х, они были очень испуганы. Сейчас я этого не наблюдаю. Они пытались тогда первыми поздороваться, а сейчас ведут себя нормально» (русский, житель города Крымска, 1947 года рождения).

По мнению ряда респондентов, изменения коснулись не только сферы культуры, но и уровня жизни месхетинцев: «Я считаю, что они и сюда приехали не бедными людьми. Но уже здесь многие построили хорошие дома, купили автомобили. Вот взять хотя бы по нашей улице. Но надо отдать им должное — они все взяли своим трудом» (русская, жительница пос. Саукдере, 1947 года рождения).

Основываясь на интервью русских соседей, можно сделать вывод, что изменения в социокультурной сфере у турок весьма существенны: «На днях была Пасха, я пошла с пасочками к соседям-туркам, в два дома, там брат и сестра живут. Отнесла им. А вечером они мне тоже принесли. Их кто-то угостил, а они решили со мной поделиться... Турецкая молодежь носит то же из одежды, что и наши. Молодые турчанки носят, мне кажется, то же, что и наши молодые женщины. Старшие женщины-турчанки одеваются по-другому. У старшего возраста женщин голова должна быть покрыта. Если женщина вышла замуж — она должна носить платок. Но не каждая это делает. Вот соседка — у нее двое детей, но платок она не носит... Детей стало меньше. Может, люди бы и хотели больше детей, но не могут себе позволить» (русская, жительница Крымска с 1993 года, 1947 года рождения). Отметим особо указание на то, что стал исчезать обычай ношения головных платков замужними женщинами.

Интересно указание на возможный мотив ношения мини-юбок молодыми турчанками: «У турецких девочек уже более европейский стиль одежды. Носят короткие, даже предельно короткие юбки. Может быть, они этим как-то демонстрируют свое равноправие с местными девчонками» (русская, жительница поселка Саукдере, 1957 года рождения).

Активные изменения коснулись сферы брачно-семейных отношений. Русские респонденты фиксируют переходный характер современной практики выбора брачного партнера турками-месхетинцами. По-прежнему важнейшую роль в этом играет мнение родителей, но у женихов уже появилось право на собственное мнение: «Уже, наверное, отходит у них такой обычай, что если родители нашли тебе девочку, то должен жениться, нравится или не нравится. Если он ее видел раньше и она не понравилась жениху, то родители ищут другую. По-прежнему ищут родители, но другую невесту. Уже бывает даже так, что мальчик увидел девочку, она понравилась, и родители сваатуют. Это получается прямо как у нас» (русская, вынужденный переселенец, жительница города Крымска с 1997 года, 1953 года рождения).

Мнение о вынужденном характере отъезда турок из Краснодарского края, которое часто высказывалось респондентами-месхетинцами, как правило, разделяют и соседи турок: «Я считаю, надо было все же дать людям жить... Если бы людям дали жить нормально, никто бы никуда не поехал. Я считаю, если они уедут, ничего у нас не изменится. Ни преступность не уменьшится, ничего. Если раньше едешь мимо поля — оно засеяно. Турки, как мураши, ковыряются, что-то там делают. А сейчас в основном трава...» (русская, вынужденный переселенец, жительница города Крымска, 1953 года рождения).

Отдельные русские респонденты в ходе интервью давали в контексте рассказа об отношениях турок и старожильского населения характеристики русским из

числа старожилов: «На Кубани вообще народ тяжелый. Мы-то привыкли за 8 лет. У меня уже внук кубанец, и мы немножко становимся кубанцами. Уже разговариваем через забор. Раньше открывали калитку и впускали человека во двор. Хотя я до сих пор этого не понимаю, как можно через калитку общаться... А эти местные бабушки, которые наговаривают, колдуют, привораживают... Мы прожили года три-четыре и даже засобирались отсюда уезжать, настолько морально было тяжело. Но постепенно становимся похожими на местных, и жить становится легче» (русская, вынужденный переселенец, жительница города Крымска с 1997 года, 1953 года рождения).

Анализ интервью представителей местного сообщества из числа соседей турок-месхетинцев дает основания предполагать, что тиражируемая некоторыми представителями органов государственной власти и местного самоуправления, средствами массовой информации картина конфликтных по преимуществу отношений между турками и старожильческим населением не соответствует действительности. Эти отношения являются значительно более сложными. Непосредственные соседи турок акцентируют внимание на взаимной доброжелательности взаимодействия с месхетинцами и существенных социокультурных изменениях, которые произошли в турецкой среде за последние годы.

Программа переселения турок-месхетинцев в Соединенные Штаты Америки

С 2004 г. реализуется программа добровольного переселения турок-месхетинцев Краснодарского края в США. Она инициирована Государственным департаментом с учетом обращений правозащитных организаций о нарушениях прав турок-месхетинцев по национальному признаку в Краснодарском крае. Подготовка к началу данной программы осуществлялась в течение примерно двух лет и включала посещение края несколькими международными делегациями. Непосредственным исполнителем программы является Международная организация по миграции (МОМ), офис которой открыт в 2004 году в Краснодаре. С февраля 2004 года МОМ ведет информационную кампанию и прием заявлений от желающих выехать в США. Первая группа турок-месхетинцев из 84 человек по данной программе выехала из Краснодара в штат Пенсильвания (Ланкастер в окрестностях Филадельфии и ряд других городов) в августе 2004 г. Подали заявки на получение статуса беженца около 12 тысяч турок-месхетинцев.

Как пояснил в интервью автору координатор программы Фил Инс, лица, участвующие в программе и прошедшие отбор, получают статус беженца. Те, кто имеет гражданство Узбекистана, получают статус беженца из Узбекистана. Имеющие российское гражданство и лица без гражданства получают статус беженца из России.

Прибывших турок-месхетинцев расселяют в США группами, при этом максимальная численность группы в населенном пункте — 200—300 человек. Расселение прибывших возможно во всех штатах, кроме Аляски и Гавайских островов. На месте прибытия специально уполномоченные агентства обеспечивают социальную адаптацию турок: обучение английскому языку, устройство детей в школы, организуют контакты с мечетями и т.д. По истечении 8 месяцев они освобождают предоставленное им как беженцам жилье, агентство помогает найти работу и новое жилье. Все важные вопросы, связанные с программой, решает Госдепартамент США, МОМ является техническим исполнителем.

Начало реализации программы вызвало активизацию второй «новой диаспоры» Кубани. Так, группа курдов Краснодарского края обратилась в сентябре 2004 г. к послу США в России с просьбой распространить на них действие программы переселения.

Губернатор края А.Н. Ткачев в интервью краевой прессе дал следующий ком-

ментарий программе переселения турок: «Этого дня кубанцы ждали давно. Мы в начале пути и будем действовать цивилизованно, в рамках действующего законодательства. Тринадцать лет назад, после ферганских событий, турки-месхетинцы прибыли к нам, согласно договоренности, на несколько месяцев. С первых дней пребывания на нашей земле наравне с коренным населением пользовались бесплатным медицинским обслуживанием, школами, детскими садами. Но, задержавшись на долгие годы, они так и не вписались в эту среду, отказавшись принять уклад жизни кубанцев... Напряжение росло с каждым годом и могло привести к неконтролируемым последствиям»²¹.

Руководитель Московского бюро МОМ Марк Браун, комментируя программу переселения турок-месхетинцев, подчеркнул, что МОМ имеет опыт переселения афганцев, боснийских мусульман. Однако проект переселения турок-месхетинцев с территории Кубани может стать самым крупным²².

Уже в ходе реализации программы переселения, в июле 2004 года, места проживания турок-месхетинцев в Крымском и Абинском районах посетили Комиссар по правам человека Совета Европы Альваро Хиль-Роблес и Уполномоченный по правам человека в РФ В. Лукин. Комиссар по правам человека А. Хиль-Роблес заявил, что на Кубани есть три группы турок-месхетинцев. Первая — желающие выехать в США. По словам европейского омбудсмена, им нужно предоставить такую возможность. Вторая — желающие выехать в Грузию. Им трудно помочь, поскольку в этом задействована грузинская сторона. И третья — желающие остаться — «им нужно предоставить такую возможность»²³. А. Хиль-Роблес акцентировал внимание на положении турок-месхетинцев в докладе Комиссара по правам человека о визите в Российскую Федерацию с 15 по 30 июля и с 19 по 29 сентября 2004 года Комитету министров и Парламентской ассамблее Совета Европы:

«272. Как я понял, в настоящее время в Краснодарском крае проживает от 12000 до 13000 турок-месхетинцев. У большинства из них нет документов, удостоверяющих личность, или им так и не было предоставлено российское гражданство. Как мне объяснили, из этой группы примерно 5000 человек хотело бы вернуться в Грузию, как только это будет возможно; другая группа, в которую входит примерно столько же человек, потеряла какую-либо надежду на возвращение. Они считают, что им не удастся добиться нормальной жизни в России, и приняли решение эмигрировать в США после того, как американские власти решили принять у себя некоторое число турок-месхетинцев. И, наконец, группа численностью от 2000 до 4000 человек заявляет о том, что они хотели бы остаться в крае.

273. Нынешнее положение этой части населения не может быть оценено иначе как катастрофическое. Действительно, они живут в этом регионе более 15 лет, большинство из них купили дома, начали работать на земле, которую они арендуют, или разводить скот. Однако в силу того что у них нет документов, все эти люди находятся на нелегальном положении, зависят от прихоти любого представителя власти, а они часто, по словам моих собеседников, настроены негативно, не стесняясь подвергают турок-месхетинцев плохому обращению, унижают их или лишают самых элементарных прав. Трудно себе представить, но эти люди не могут даже вступать в брак, поскольку у них нет юридического статуса.

274. Этим людям еще повезло, что их детей принимают в школу, но и в этом случае власти проводят все более унижительную политику, создавая отдельные классы для детей турок-месхетинцев, которые якобы не говорят по-русски, а это далеко не всегда так. Но даже если бы это имело место, я сказал своим собеседникам, что если дети турок-месхетинцев будут отделены от других детей, то они тогда уж точно не выучат русский язык и не смогут интегрироваться в жизнь региона. А ведь власти обвиняют прежде всего самих турок-месхетинцев в том, что они не хотят интегрироваться, но турки-месхетинцы это опровергают. В этом отношении я полагаю, что, отделяя детей, стремясь разрушить мосты, власти, со своей стороны, не желают интеграции, хотя, по мнению большинства соседей, турки-месхетинцы прекрасно интегрируются.

275. Я не хотел бы здесь касаться всех подробностей этой унижительной истории, поскольку она не вызывает у меня других чувств, кроме стыда и гнева. Действительно, я увидел, что власти края замкнулись в своей лжи, заняли откровенную ксенофобскую позицию и отказываются идти на какие-то разумные шаги. Хотел

лишь только отметить, что отказ в предоставлении российского гражданства туркам-месхетинцам наблюдается лишь в Краснодарском крае, тогда как в других российских регионах никаких проблем с этим нет. Я также слышал, что краевые суды отказываются принимать заявления о признании проживания в Российской Федерации с целью подтверждения своего гражданства от турок-месхетинцев, которые подают их на основании вышеуказанного письма, подписанного заместителем председателя Верховного суда. Все это полный произвол и беззаконие. Органы внутренних дел ждут решения вопроса федеральным центром, в то время как именно они должны решать эту задачу, поскольку собственно и представляют центр».

Европейский омбудсман выделил в своем видении ситуации группу турок-месхетинцев, которая хочет вернуться в Грузию. Перспектива такого возвращения, несмотря на законность данного требования турок, весьма проблематична. Проблема состоит не только в уже охарактеризованном выше активном нежелании грузинских властей создать минимальные условия для приема представителей этой группы. Само население Грузии, особенно тех районов, откуда турки депортировались, препятствует репатриации. Яркие факты, подтверждающие антитурецкие и антимусульманские настроения в Грузии, приведены в мемуарах Назиры Вачнадзе (оставляем пока без рассмотрения вопрос о том, насколько в появлении таких настроений населения виноваты грузинские власти всех поколений): «В Хашури, если я не ошибаюсь, переехали жить 14 семей. Их поставили в такие условия, что они были вынуждены оставить построенные дома и уехать. Сами местные их дома не покупали. Никто не живет на этой земле вечно, а если негде похоронить покойника — это уже самый трудный пункт проживания. Когда стали заболевать пожилые, местные жители предупреждали: «Вывозите, пока живой, похоронить не дадим». Они не только живым, которые могут воспроизвести на свет потомство, не очень охотно давали место под солнцем, а и мертвым с войной выделяли 1 на 2 метра земли, хотя беспрепятственно, через несколько лет, смогли бы сравнять с землей могилы, как сравняли в Месхети могилы наших предков. И никто не смог помешать им это сделать — ни власть, ни Бог, ни совесть. Из Хашури часть вернулась в Среднюю Азию, часть в Россию. В Копитнари поселились четыре семьи, если мне не изменяет память. Лидер Чахо Читадзе приехал с семьей из Самарканда в Западную Грузию. Там, в Самарканде, он работал директором школы, которую назвал именем Шота Руставели, а здесь он со своей семьей и года не прожил, их пинками выставили оттуда»²⁴. Можно констатировать, что отторжение мигрантов, которые воспринимаются в качестве угрозы, в традиционалистских обществах осуществляется в гораздо более жестких формах по сравнению с модернизированными обществами.

Проблемы кубанских турок-месхетинцев были охарактеризованы также в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2004 год: «Специфичной для России стала проблема турок-месхетинцев, в частности тех, кто проживает в Краснодарском крае. К моменту распада СССР многие из этих лиц на законных основаниях находились на территории Российской Федерации и в силу этого автоматически стали ее гражданами. Однако статус граждан они не получили, в основном по причине невнимания федерального центра и противоправных действий местных (краснодарских) властей. В результате многие из них оказались перед необходимостью переселения в США. Грузия, являющаяся исторической родиной турок-месхетинцев, вопреки взятым международным обязательствам (в том числе в качестве условия своего вступления в Совет Европы) пока не может или не хочет обеспечить им возможность возвращения. Однако это обстоятельство не снимает с России ответственность за справедливое и гуманное решение вопроса правового положения турок-месхетинцев. Неспособность или нежелание собственными силами защитить права сравнительно небольшой этнической группы наносит ущерб международному престижу России»²⁵.

Можно ожидать, что в 2007—2008 гг. вопросы, связанные с неопределенностью правового статуса оставшихся в Краснодарском крае турок-месхетинцев, будут решены. Такая возможность появилась в результате изменения отношения к проблеме органов государственной власти и местного самоуправления, активизации некоммерческих организаций края в деле оказания правовой помощи туркам-месхетинцам.

Список литературы

- ¹ Юнусов Ариф. Месхетинские турки: дважды депортированный народ. Баку. 2000. С. 11.
- ² Юнусов Ариф. Указ. соч. С. 42.
- ³ Юнусов Ариф. Указ. соч. С. 45.
- ⁴ Мамулия Г. Концепция государственной политики Грузии в отношении депортированных и репатриированных в Грузию месхов. История и современность // Центральная Азия и Кавказ. 1992. №2 // www.ca-c.org/journal/cac-02-1999/st_19_mamulija.shtml
- ⁵ Мамулия Г. Указ соч.
- ⁶ Гелашвили Н. Предисловие «О Назире — депортированной месхетинке» // Вачнадзе Н. Книга Назире — депортированной месхетинки. Тбилиси. 2004. С. 5–8.
- ⁷ Вачнадзе Назира. Книга Назире — депортированной месхетинки. Тбилиси. 2004. С. 77.
- ⁸ Симоненко В.А. Месхетинские турки: историческая судьба и проблемы культурной адаптации. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Краснодар. 2002. С. 33.
- ⁹ Рыжков Н.И. Серьезный урок для всех. Выступление на собрании партийного актива Узбекистана // Правда. 16.06.1989.
- ¹⁰ Абашин С. На разломе «южной дуги» (из блокнота этнографа) // Вестник Евразии. №2 (9). М., 2000. С. 117.
- ¹¹ Meskhetian Turks. Solution and Human Security. The Forced Migration Projects of the Open Society Institute. New York. 1998. P. 7.
- ¹² Российский опыт этнической дискриминации: месхетинцы в Краснодарском крае. Автор доклада А.Г. Осипов. М., 1999. С. 8.
- ¹³ Национальный состав населения Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 года. Краснодар. 1990. С. 11.
- ¹⁴ Крицкий Е., Савва М. Краснодарский край: модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 35.
- ¹⁵ Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Краснодарскому краю. Официальное издание. Т. 4. Краснодар. 2005. С. 223.
- ¹⁶ Вачнадзе Назира. Книга Назире — депортированной месхетинки. Тбилиси. 2004. С. 102.
- ¹⁷ Вачнадзе Н. Книга Назире — депортированной месхетинки. Тбилиси. 2004. С. 140-141.
- ¹⁸ Хармз Вахид. Психологическая адаптация эмигрантов (на материале исследования иракских эмигрантов в Швеции). СПб., 2002. С. 87.
- ¹⁹ Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993. С. 105.
- ²⁰ Петров В.Н., Охрименко В.И. Община турок-месхетинцев в Краснодарском крае: черты социального портрета. Краснодар. 2003. С. 26-27.
- ²¹ Проблема турок-месхетинцев будет решаться цивилизованно. Информация пресс-службы администрации Краснодарского края // Краснодарские известия. 23.7.2004. С. 3.
- ²² То же.
- ²³ Миракова К. Комиссар уверен в позитивных переменах // Кубанские новости. 30.7.2004. С.4.
- ²⁴ Вачнадзе Назира. Книга Назире — депортированной месхетинки. Тбилиси. 2004. С. 76.
- ²⁵ Что для гражданина право, то для чиновника долг. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2004 год // Российская газета. 31.03.2005. С. 15.

Содержание

М.В. Савва. Турки-месхетинцы Краснодарского края	3
Основы истории турок-месхетинцев	4
Положение турок-месхетинцев в Краснодарском крае до массового переселения в Соединенные Штаты Америки	7
Характеристика взаимоотношений турок-месхетинцев с представителями местного сообщества	23
Программа переселения турок-месхетинцев в Соединенные Штаты Америки	28
Список литературы	31

**Данное издание осуществлено при финансовой поддержке
фонда имени Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров**

Брошюра издана Краснодарской региональной общественной организацией
«Южный региональный ресурсный центр»

Адрес: 350020, г. Краснодар, ул. Коммунаров, 268, 3-й этаж, офис 61.

Тел.: (861) 210-16-48; 210-16-49. Факс: 210-16-49.

E-mail: srrcdom@list.ru

Http: www.srrccs.ru

Отпечатан в ОАО «Полиграфсервис», г. Ставрополь

Тираж 500 экз.